

Сергей Литвинов

ПОСЛЕДНЯЯ НОТА

Стихи... Миниатюры...

**КРЕСТИНЫ
СЫНА**

Поэма

Сергей ЛИТВИНОВ

Последняя нота

Стихи... Миниатюры...

Крестины сына

Поэма

2017

УДК 882
ББК 84(2Рос – Рус)6
Л 64

ISBN 978-5-902628-88-0

Литвинов С.С.

ПОСЛЕДНЯЯ НОТА. Стихи, миниатюры.
КРЕСТИНЫ СЫНА. Поэма. С.С. Литвинов –
Ковров: ООО «Гемма», 2017. – 184 с.

ISBN 978-5-902628-88-0

УДК 882
ББК 84(2Рос – Рус)6
Л 64

© С.С. Литвинов, 2017
© ООО «ГЕММА», 2017

*Жизнь промчалась, прошла.
Где-то сердца в глубинах она...*

От автора.

Жизнь моя началась в городе Благовещенске, что на Дальнем Востоке.

Пожил и в Средней Азии, и на Украине. После службы в армии потянуло меня в Заполярье, чтобы своими глазами увидеть северное сияние, да и подзаработать, пока молод, на дальнейшую жизнь.

В начале девяностых прошедшего века вернулся я в город моей юности, в Ковров.

Где и проживаю поныне.

Здесь же, в Коврове, издал я несколько поэтических сборников.

Печатался в журналах: «Бег», «Русский писатель», «Воин России».

В альманахе «Созвездие», что издаётся во Владимире, есть подборки моих стихов.

Как и в Альманахе Луганской и Донецкой областей «Территория слова».

Песни на мои стихи исполняются некоторыми российскими бардами.

От лирического героя моих стихов, если строчки от мужского лица сложены, мало чем я отличаюсь.

Лирика и многое другое

БУКЕТ

С утра ледок, но солнце пригревает.
Они ещё живут, мои цветы.
Они бутоны нежно раскрывают,
Они полны тепла и доброты.

И в сине-жёлтом блеске их лучистом,
И в красном, страстном всплеске
пышных гряд

Цветы со мною языком их чистым
О чём-то долго, долго говорят.

Я с ними добр и так же с ними нежен.
И соберу, и в дом букет внесу.
Одно знать остаётся в жизни мне же:
Навек воспеть земных цветов красу.

05.03.2017

ЗАВОДЬ

Наполнен лес чудесной охрой.
По тропке лиственной пройди.
И встань, и стой, и просто охай:
Немало сказок впереди.

Осинки вяжут паутинки.
Берёзки блёстками горят.
Любой росинке и тростинке
О вечном звёзды говорят.

А в заводь месяц-лягушонок
Вслед за русалочкой нырнул.
Пропал, наверно, глупышонок.
До новой ночи утонул.

К утру осенним потянуло
Привычно-знобким холодком.
Даль в зябкой дымке потонула.
И дремлет заводь под ледком.

10.03.2017

ХЭЛЛОУИН

Снесло мне «крышу», «башню» своротило.
Как тыква, раскололась голова.
Похлеще поило всякого тротила.
Р-раз! – и к чему здесь всякие слова?!

Как двух свечей, в глазницах пламень ада.
Двух к чёрту перевёрнутых свечей.
Хэллоуин; кому всё это надо?
И пой, и пей; и ясно, праздник чей.

Нас понесло по всем поганым кочкам.
И вслед за мной бежать худой молве.
И хоть поправь, умней хоть
рожу скорчь, ком
Каких... чёрт знает! – мыслей в голове.

Но что с того, коль своротило крышу
И просто башню-голову снесло?
О всех ли прочих праздниках услышу,
Так мыслю трезво: пьянка ли не зло?!

12.03.2017

*«Кто не берёт креста своего и следует
за Мною, тот не достоин Меня»
Евангелие*

ГОЛГОФСКИЙ КРЕСТ

Тяжёл мой крест, невыносимо тяжёк.
С трудом по жизни... сам себя влачу.
Земных страстей и раб, и пленник, я же,
Кому на муку отдан? – палачу.

Собою мучим, бит и распинаем.
Сиять кресту Голгофскому в душе.
И небо над Сионом, над Синаем,
Над всей землёй нахмурилось уже.

Глядишь, на крест Россия возносима.
Что личная твоя, поэт, беда?
Россия гибнет; мысль невыносима:
Россия не воскреснет никогда.

12.03.2017

ПРЕДПАСХАЛЬНЫЙ ДЕНЬ

Предпасхальный день субботний.
Пост был долог; ну так что ж?!
Было много для забот дней.
Нынче ночи славной ждѣшь.

Сердце полнится молитвой,
Всѣ уйдѣт худое в тень.
Во спасенье всей земли Твой,
Боже, в ночь восходит день.

13.03.2017

СТАРИННЫЙ РЕЙН

Старинный Рейн; бродить в лесах и мне.
Полночной птицей прячешься в листве ты,
По отмелям и в тѣмной глубине
Поблескивают камни-самоцветы.

Старинный мир; не видел мир врага
Здесь ни в одном прохожем человеке.
Покрыты мхом глухие берега.
И кажется, тому и быть вовеки.

Река тиха в мерцании луны.
Речную глубь русалки не согрели.
Но там на дне и камни-валуны
Метнутся вдруг за стайкою форели.

Ещё бывали в мире чудеса.
Непознанное душу не смущало.
Я тайн земных коснулся чуть и сам.
Ты, птица-фея, время вдаль смещала.

Да, я тебя, влюблённый птицелов,
И приручить хотел не оттого ли,
Чтоб ты вошла под песенный мой кров;
Но чудных птиц не приручить к неволе.

Я изучил далёкую страну.
Старинный мир обрёл звучанье слова.
Что ж, к сердцу сердца нежную струну
Тянуть – вот жизнь поэта-птицелова.

13.03.2017

НАД БОЛОТОМ

Она в меня была и влюблена.
В её любви так мало было плоти.
Но отражалась чистая луна
В моей душе – в мутнеющем болоте.

Она смотрела с неба на меня.
А я? А мне... и дела было мало.
Я жил, блажил; мне чёрт и не родня.
Вся бесовня моим шагам внимала.

Я не в болоте, сам в себе тонул.
И к небу взгляд, и нет ногам оплота.
Я за собой свою луну тянул
С небес высоких в тёмное болото.

И вот итог: мы так разделены.
Но друг от друга некуда нам деться.
Чертям в болоте, что им свет луны?
Мне на небо глядеть, не наглядеться.

14.03.2017

СЛАДКИЕ СЛОВА

Не любите, женщины, поэтов,
Трепетных певцов земной любви.
Забурлит словесный яд в крови.
Ах, как сладко да нелепо это!

Им, певцам любви, играть словами.
На словах поэты влюблены.
Даром вы поэтами больны? –
Гибельно царящими над вами.

Сладкие слова подобьем яда.
И когда пребудет яд в душе,
Не нужны поэтам вы уже.
Не любите, милые, не надо.

14.03.2017

НОМЕР

Времена придут, ребята,
Просто жуть – не времена.
Вы ли это? Он ли? Я-то?
К чёрту наши имена.

Всю представить нелегко жуть.
Но придёт и час, и год.
Нанесут на лоб под кожу
Несмыываемый штрих-код.

Облучат; мол, ваше фото.
Лоб к дисплею приложи.
Вы ли это? Я ли? Вот он,
Некий тип; ни грамма лжи.

Номер? – твой; и три шестёрки.
Ясно, чей товар навек.
Я – не скажешь – Вася Тёркин.
Не такой ты человек.

Имя – дело проходное.
Как себя ни назови,
Ты есть ты! Аж сердце ноет!
Вбили номер; жуть – в крови.

Чип – и тот под кожу; ну-ка!
Приложи сюда ладонь.
До чего дошла наука.
Зря про то и не долдонь.

Ничего теперь не купишь.
Электронный в банке счёт.
Что продать? И тот же кукиш!
Кто ты? Что ты? Банк сечёт!

Что-то лишнее болтаешь?
Заблокирует, гляди.
Там, не там ли обитаешь?
Руку дай, сюда клади.

Я ли это? Он ли? Вы ли?
Да и стой с открытым ртом.
Если вы ещё не взвыли,
Значит, взвоете потом.

Что есть имя? Имя – номер!
Нам вчера бы всё решить:
Как и что? Блажен, кто помер!
Жуть, ребята, завтра жить.

15.03.2017

МАГИЯ

Поэзия похлеще всяких магий.
Страстишек тлеет в сердце костерок.
Слова звучат не только на бумаге,
Из нитей слов сплетаю петли строк.

Им волю дай, и вспыхнет пламень адов.
Такие фразы-дьяволы парят.
Они и небо – им земли не надо –
В любой душе навек испепелят.

На мир посмотришь,
в рифму глянешь на мир! –
Он весь не тот, не прежний мир, –
другой.

Иные небеса теперь над нами.
Земля иная – бездны под ногой.

Обольщены читательские души
Цветистой сладкозвучностью небес.
Сердца сжимают петли строк всё туже.
Затягивает в бездну слово-бес.

Не приведи Господь мне быть поэтом,
Играющим в пустые словеса.
Что сам творишь – не ведаешь при этом.
А пламень адов к небу аж взвился.

Поэзия – божественное Слово.
Недаром к нам и добр Господь, и строг.
А мы слова, слова сплетаем снова.
Свиваем роковые петли строк.

16.03.2017

ПОМИННЫЙ ТОСТ

О, сколько нас – позвольте о поэтах! –
Толпой с мытарства с первого – сюда.
Нас бесы враз – отпетых, не отпетых –
Спровадят в ад до Страшного суда.

Да ладно бы пустых словес полова
Забилы наши квохчущие рты.
Мы Божье в грязь вконец втоптали Слово.
Огнь адский извели из темноты.

И всё на свете прочее такое:
Болотные мерцают огоньки.
Душа в запойно-жутком непокое,
Ноги не сдвинуть, не поднять руки.

Ох, заблукал, а думалось – чуточек.
Да не туда куда-то занесло.
В пути взалкал; для бодрости – глоточек.
Для храбрости – да всем чертям назло.

А в темноте, куда вперяешь очи,
Глаза горяче-пьяные свои,
Со всех сторон во мраке дня и ночи
Разбойниками свищут соловьи.

Но если пьётся – весело поётся.
Допился и допелся до конца.
И еле-еле птичкой сердце бьётся
Впрямь в лапах чёрта – пьяных душ ловца.

Куда ж несло? – да всё по белу свету.
К чертям во тьму, где не видать ни зги.
Несло, трясло; в ту сторону ли, в эту?
Придётся в себя, да пропиты мозги.

17.03.2017

ИВА

Над рекою переливы
Золотых вечерних зорь.
Образ милый, облик ивы,
Словом нежным знай узорь.

Длить и длить бы речке с ивой
Тайны вечные свои.
О любви, такой счастливой,
В роще стонут соловьи.

В это лето милой иве
Песни пел над речкой – я.
Переливчатей, счастливей
Да любого соловья.

Зори вспыхивали ало,
И, казалось, всё не зря.
Над рекою отпылала
Не последняя заря.

Вечно длить бы лето это
Расставаньям вопреки.
Но остались у поэта
Строчки – с ивой у реки.

17.03.2017

ГАРМОНИСТ

Он рубашечку отгладит.
Пальцы кверху, да и вниз.
Встанет, сядет, песни ладит
Развесёлый гармонист.

Пальцам кнопочки найдутся.
Эх! – на вздохе; пальцы – ха!
Да по кнопочкам пройдутся,
Да развёрнуты меха.

У него гармонь – забава.
А взгрустнётся – ну, дела! –
Что за чудная за пава
По проулку поплыла?!

Это музыка такая
Разрыдалистая – ах!
Пальцы мечутся, мелькая,
При роскошных при мехах.

Да при кнопочках с ладами
Гармонистова душа.
Так и жизнь прошла с годами,
Хороша... Нехороша...

18.03.2017

Стихи по поводу награждения вдовы мало кем уважаемого бывшего руководителя какого-никакого, а всё же государства нашего орденом «Святой великомученицы Екатерины».

Воистину так... С таким намучаешься.

БЕДНАЯ ВДОВА

О, сколько вдов на свете невесёлых,
Мужья у коих канули во мрак,
Ушли, почили в городах и в сёлах;
Смекнёт из нас любой, кто не дурак.

И дураков не жнут подчас, не сеют.
Останется на свете фото-блиц.
Глядишь и видишь матушку-Рассею
В лице вдовы и прочих важных лиц.

Вопросов тьма проявится не вскоре.
Вот президент и горе-патриарх.
А при вдове какое это горе?
Да все там будем; эх и ох, и ах!

Мы – жалкие истории статисты.
Вот и глядишь на бедную вдову.
И слышишь: «Друг, отседова катись ты!
Ты хоть умри, я – главное! – живу».

19.03.2017

Любовь бывает не просто зла, но убийствен-
но зла. Но об этом стихами.

ЛЮБОВЬ ПОЭТА

Эх, жить и жить бы Осе, Вове, Лиле.
О Лиле с Осей и не говорю.
Стрелялся паж; мы речи-слёзы лили.
Да по «горлану», да по «главарю».

Не надо слёз, не надо фраз, ребята.
На всех посмотришь – не разлей вода.
Здесь Ося лишний? Лиличку... любя так,
Как Ося жить? Страдать, как Вова? Да?!

Она для них и цаца, и Царица.
Вамп-женщина – любовница и мать.
Посмотришь, браво! Что за лица! Лица?
Да, гравое слово, что здесь понимать!

И третий лишним часто не бывает.
Но двое их! Одна среди них – она!
Поэт себя любовью убивает.
В свой срок придёт и всем другим хана!

19.03.2017

*«За каждое праздное слово
человек даст ответ в день Суда»
Из Евангелия*

РЫБИНЫ

-1-

Поэзия! Вот мой улов!
Не пескари из водной грязи.
Я тайные глубины слов
Изведал в их взаимосвязи.

Таких чудовищных глубин
Касаться? Жди беды-напасти!
Где, что ни рыбина, рубин
Из каждой лютой блещет пасти.

Вовсю искрятся жемчуга,
Где и не раз не мелко плавал.
А видеть в хищнике врага? –
Так мне... любой не страшен дьявол!

И лезешь в дьявольскую пасть,
В огнём пылающие бездны.
Поэтом быть и не пропасть?
Да в пропасть падать – дар небесный?!

Уж лучше я приму удар
Невыносимейшего тока.
Бей насмерть, скат, умерь мне дар.
Поэта жизнь всегда жестока!

-2-

Вам хочется не думать о последнем
И дне, и часе? Верьте вздорным бредням.
Строк бреднем воду смыслов зачерпну.

Прольётся пустофразия водица.
На душу страх, морской, не наводи, царь!
За дьяволом ли впрямь иду ко дну?!

Не брюхом вверх здесь
рыбины всплывают.
Бьют гады-скаты, током поливают.
Мелькнуло нечто рыбкой золотой.

То солнце отразилось и пропало.
К поэзии твоя душа припала?
Да кто же скажет:
«Друг, подумай, стой!»

Поэзии вселенское звучанье.
Верченье слов; впадение в отчаянье.
В аду при жизни пламенно горю.

За каждое пустое взыщут слово
С нас в день Суда! Поэт, и мыслью снова:
О том ли самом важном говорю?!

19.03.2017

НА СЕМИ ВЕТРАХ

Это ли жизни драма?
В мире живёшь – ничей.
А за оградой Храма
Тихо поёт ручей.

Радуй мне душу, радуй,
Храм на семи ветрах.
Храма по-над оградой
Чей-то взметнётся прах.

Время перемешало
Кости с землёй сырой.
Время перемежало
Царства за строем строй.

Горестных дней в провале
Жизни прошла пора.
С Храмов кресты срывали
Гибельных дней ветра.

Будет мой Храм отстроен.
Время, помедли! Будь!
Век этот ладно скроен.
Крепко означен путь.

Мне подойти к ограде
Храма, и в Храм войти.
Господа Бога ради,
Век, не прерви пути.

20.03.2017

Куда только ни занесёт «нелёгкая», чтобы лишний раз убедиться: Поэзия, всё-таки, та ещё чертовщина.

ПЬЯНЫЙ КОСМОС

Пьём! И те подчас, и эти.
Кто и вовсе бы не пил.
Что сказать вам о поэте?
Запивал! Запойным был!

Так, бывало, запекает.
Говорят, душа поёт.
Водку пивом запивает.
Спирт коньячный тоже пьёт.

Про вино, друзья, ни слова.
Кто постигнет вкус вина,
Тот... И пьёт поэт, и снова
В том его беда-вина.

Пить поэту? – не в тоске тут
Дело; здесь всему назло
Душу, глупую ракету,
В пьяный космос унесло.

Быть ракетой, стать кометой?
Протрезвела голова.
Да и вспыхнули в уме-то
Оч-чень яркие слова.

21.03.2017

*«Оглашенные (призванные, ещё некрещённые),
главы ваша Господеви приклоните»
Из церковной службы*

*«И встал я на песке морском, и
увидел выходящего из моря зверя...»
Из Апокалипсиса*

Море – образ Боговраждебного, языческого мира. Зверь – само воплощение дьявола в последнем правителе мира.

В ЛАПАХ ЗВЕРЯ

Оглашенные... Склонили
Все-то сплошь свои главы.
Где же верные? Они ли?
С головой понурой – вы?

Где не надо, бьём поклоны.
Где и надо – не поём.
У любой стоим иконы
В день любой – поклоны бьём.

Слову Божью нас не учат
Пастыри; не стерегут
Нас, овец, – ах, ну и ну! – чад,
Глупых, «малых сих», стригут.

Деньги всюду, а без денег
Даже исповеди нет.
Что здесь делаешь, бездельник,
Без купюр и без монет?

Вот уж точно, бес купюрный,
Бес монетный в души влез.
Души многих вроде урны.
Ум – понятий тёмный лес.

В церкви – нет! – не стало верных.
Кто ты здесь? Да не таков?!
Боже, Храм очисти от скверны,
От оков-еретиков.

Встал и стой, глазам не веря.
Да и сам себе не верь.
В цепких Церковь лапах зверя.
Не в самой ли Церкви зверь?

Дух мирской – везде и всюду.
Зверев образ где ни глянь.
Мы взрастили чуду-юду
В душах – этакую дрянь.

Всех Святых печальны Лики
Знай выводим, как один:
«Лета многая, Великий
Наш Отец и Господин!»

К слову: «Практика «церковной торговли» возникла после 1961 года, когда контроль за материальным состоянием храма был полностью передан в ведение «исполнительного органа», чей состав формировался властями. Эти времена прошли, а злая привычка «торговать» требамы осталась».

21.03.2017

ПРИ ПЫЛЬНОМ ШЛЯХЕ

Беда! Проносятся года.

Жизнь – поезд скорый.

Куда? – стремится вниз вода;

Ввысь – лезем в горы.

К чему? – жить надо по уму.

Ума – палата.

Во тьму! – за что и не пойму –

Такая плата.

Живу! Во сне ли, наяву?

Душа – на плахе.

В траву! Упасть, лежать во рву.

При пыльном шляхе.

Что жизнь? И жил, и в гроб ложись.

Земля – для тела.

Кружись! Помыслить вдруг решишь,

Жизнь пролетела.

22.03.2017

УТРЕННЕЕ ОТКРОВЕНИЕ

Зорь несусветных полыханье.
И... пережить подчас невмочь
Снежинок лёгкое порханье,
Летающих бабочками в ночь.

Вечерним зорям вспыхнуть; стихнуть
Порывам снежным вдалеке.
И зорям утренним ли вспыхнуть
Румянцем на твоей щеке.

Ты спишь; твоя щека другая
К подушке снежно-белой льнёт.
Я подбираю, дорогая,
Слова; мне мало певчих нот.

Не слов одних, не песен ради
Не сплю; живу и счастлив я.
В дыханье лёгком, в сонном взгляде,
В румянце щёк ты вся – моя.

23.03.2017

*«И преобразился пред ними:
и просияло лице Его, как солнце,
одежды же Его сделались белыми,
как свет»*

ФАВОРСКИЙ СВЕТ

Соберу, сложу их в сени.
В окнах спелых яблок стук.
Вечных яблок в днях осенних
Запах слышен за версту.

Спас ореховый, медовый.
Для души – не про запас.
Встретить праздник мы готовы;
Яблочный приходит Спас.

Это к Богу обращенье.
Радость сердца велика.
Господа преображенье,
Свет Фаворский, на века.

23.03.2017

*«Видишь, улетают ласточки»
Из песни*

ЛАСТОЧКИ УЛЕТАЮТ

Видишь? Вновь ласточки улетают.
Осени дни догорают и тают.
В реку втекают с небес облака.
И холодна, и туманна река.

Краски осенние потускнели.
Вот и леса, и луга погрустнели.
Весь белый свет в ожиданье зимы.
Только не будем печалиться мы.

Вспомним-ка лучше о днях весенних.
В окнах капели, тепло входит в сени.
Пусть не смолкает у старой стрéхи
Щебет пичужий под наши стихи.

30.03.2017

ВАХТА

Мой пёс глядит на полную луну
И ничего фривольного не видит,
В ночь из-за туч луна бесстыдно выйдет,
В реке во всю растянется длину.

В реке пустынной плещется луна,
То подплывёт к – почти подружке – вербе.
Ни о каком не думает ущербе;
В одну себя луна и влюблена.

А верба ветви тёмные свои
Бельём в реке у берега полощет.
Неистовствуют соловьи по роще,
На все лады грохочут соловьи.

Да, эти песни, трели при луне
Никто насильно слушать не заставит.
И тишина подчас нещадно давит,
И не найти к словам созвучий мне.

Вернусь домой с оглохшим напрочь псом.
Словесной мало мне, поэту, вахты.
Оглохну сам, а дома – ух ты, ах ты! –
Полночный воздух тих и невесом.

02.04.2017

Каждый раз мы переживаем одно единственное мгновение, и увлекает нас это мгновение за собой, множит наши воспоминания и сулит надежду на ещё не пережитое. Как песчинка, вниз срывается непоправимое мгновение вместе с нами, летит, погружается в страшную, бездонную воронку – смерти.

ХАРОН

Я думал вернуться всё ближе к весне
или к лету.

Эгей, перевозчик! Глядит исподлобья...

Харон.

То Стикс предо мной; годы канули
в мутную Лету,

Чьи долгие воды со всех обступили
сторон.

Я думал вернуться; куда же дорожку
я ладил?

Харон-первозчик, не ты ли
привиделся мне?

Ни ряби, ни всплеска по водной,
по мертвенной глади,
Ни звёзд отраженья в застывшей
речной глубине.

Я думал вернуться и с каждым из вас
попрощаться,
Кто сердцу так дорог, о ком и забыть
не могу.

Да, видимо, некуда, некуда мне
возвращаться;
Никто и не ждёт на туманном былом
берегу.

Сомкнутся над прошлым тяжёлые воды
забвенья.

Ни вечных прощаний, ни брызжущих
радостью встреч.

При жизни слезинками каплют мгновенья,
мгновенья...

Плыви же, Харон; всё равно ничего
не сберечь.

21.04.2017

ЧУЖИЕ НАПЕВЫ

Однажды собраться проведать родню.
И молоды были, и чаще встречались.
Берёзонька здесь прислонилась к плетню.
О памятном госте залётном печалась.

Он песни слагал о любимой своей,
В неистовых душу выплёскивал свистах?!
Берёзоньке песни дарил соловей,
Запугавшись в косах-ветвях шелковистых?!

Взгрустнулось берёзке; а я ни при чём,
К напевам чужим знай слова подбираю.
К плетню бы и мне притулиться плечом
У счастья чужого и горюшка с краю.

Ей месяц с небес – перстенёк золотой.
Ах, лунные кольца и месяцы-перстни.
Укрыться бы облачной, лёгкой фатой,
Пусть длится любовь соловьиная в песне.

Вспорхнул, и не стало в одну из ночей.
О песнях и мне соловьиных грустится.
Да кто я берёзке? Чей гость? Да ничей!
И встретиться не с кем,
и не с кем проститься.

02.05.2017

ПЕСЕННАЯ ГРУСТЬ

Что ж, в путь; пора длить песенную
грусть.

Пока ещё не в днях былинно-давних
Из окон изб лампадкой светит Русь
И прячет сон в едва прикрытых ставнях.

На дуру-долю жалуясь, пока
Ещё слышна запойная трёхрядка.
И... тёмной браги зачерпнёт рука.
А на душе так муторно и сладко.

Заголосят чудные петухи.
Заря зерном рассыплет горсти света.
Но в горле ком от песенной трухи.
Пропето всё, да кто бы верил в это?

Давай, петушьё племя, голоси.
Живи кичливой песенной судьбою.
А что поэты гибнут на Руси? –
Поют и пьют, и плачут над собою.

Я сам рассыплю зёрнами слова.
Залью тальянку брагой вековой.
Жизнь песнею – хоть тресни! – а права,
Неладной хоть разбейся головою.

И если кто-то вспомнит обо мне,
Судить о всяком-разном будет проке,
В моей навек далёкой стороне
Последним песням подбираю строки.

26.06.2017

РУСЬ ТЕХАССКАЯ

Наверное, конец пришёл всему.
Той прежней жизни, коей не бывало.
Бери, поэт, ненужных слов суму.
И в путь, и до последнего привала.

Я выйду в эти грустные поля.
Вдаль побреду бессмысленной дорогой.
И Русь не та, не та моя земля.
И памяти не береги, не трогай.

Нам в мир бы чуждый не было дорог.
 Увязнешь в непролазнейшем апреле.
 Так не судьба, а, может быть, и рок
 Настиг и здесь, глуша пичужьи трели.

О чём они, чужие голоса?
 По тишины размолотым останкам
 Прёт мотоцикл взбесившимся мустангом,
 Копытит грязь всей мощью колеса.

Стоит, галдит хмельная молодёжь.
 Эх, голь да гиль! Не все ли
 всюду в бары?
 Не подойдёшь и мимо не пройдёшь.
 Пивка хлебнёшь и рюмку-две до пары.

Ах, чудо-сказка! Избы-терема!
 Впрямь «лютый червь оплёл
 девичий локон».
 Над нищетою висится тюрьма.
 Да Храм Господень –
 блеск незрячих окон.

И где ж ты, Русь? Прошла по сердцу
 сталь...
 Дорожки-стёжки по лесу в оплёвках.
 Куда, сынок, в какую смотришь даль?
 Что ищешь там, пропащий полукровка?

Что русского осталось на Руси?
А парни после мутной их попойки
Стоят, галдят; о чём и ни спроси.
Ну, сплошь техасцы – джинсы и ковбойки.

И лишь поля грызёт и гложет грусть.
Столбами верстовыми набегаю,
Себя стыдясь, куда ж ты рвёшься, Русь?
И сердцу дорогая, и другая.

26.06.2017

ПЬЯНАЯ ТРЯСИНА

То в сказке: жил да был старик;
у старика-то и три сына.
У трёх-то наших сыновей была страна –
Россия-мать.
Россия! Родина! Страна! Жизнь –
вечно-пьяная трясина.
Она – кому Россия, мать! А кто и просто
рад подмять!

Сгубили дети мать-страну! Один
и в пьянстве был удалим.
Другой тянулся – жаден был! –
к чужому сладкому вину.
А третий – просто был дурак;
споили дурня, и недаром.
Им под себя да и подмять, прохвостам,
жалкую страну.

И народился новый люд! Ах, что за люд
и народился!
На что похож, и не поймёшь! Народец –
подл, народец – лют!
Из трёх-то горе-сыновей да кто России
пригодился?
Один – упился! Тот – подлец! А третьему
и не нальют!

22.12.2005-19.07.2017

И снова лирика, и всё остальное

ОДНИМ РЯДКОМ

Я подобной красоты не знал.
Лёгкая восторженность и нега.
С неба словно хлопьям падать снега!
Что за флоксы! Мак – роскошно-ал!

Бархатцам земной создам уют.
Цинии, анютины ли глазки...
Соловьёиной мало им огласки,
Розу вновь поэты воспоют.

Будут нежно лилии цвести.
О любви, ромашки, не грустите.
И за вольность вы меня простите;
Всех бы вас в один рядок свести.

Погляжу: взбираются вьюнки
По садовой сумрачной ограде.
Всех и здесь пристрою, Бога ради.
И вплету в словесные венки.

Раздарю венки сплетённых строк.
На поминный день себе оставлю?
Красоту земную и восславлю,
Лишь бы всё душе в добро и впрок.

Нет, не зря поэзия души
Так подобна Божьему явлению.
Добротою жить стихотворенью.
Красотой живи, поэт, дыши.

27.06.2017

ПАДУЧАЯ ЗВЕЗДА

Воля Божья или дело случая,
Предо мной моя звезда падучая.

Ты сияешь истово за окнами.
Без тебя глядеть бы и не мог на мир.

Твоего хватает мне сияния
Покрывать земные расстояния.

Ты судьбою стала мне и песнею.
За собою в даль зовёшь небесную.

А когда в дорогу мне в последнюю,
Надо мной пребудь звездой посмертною

Ты светла, моя звезда падучая.
Божья воля склонна к делу случая.

28.06.2017

ЖЕМЧУГА

Пребыть бы в Царствии небесном
И славить Бога, петь псалмы,
А не тянуться к вечным безднам,
Пустых стихов не знать сумы.

Не зря слова с ума сводили.
Богатства неба? – всё не впрок.
Мне бездны звёздные светили
Сквозь латки слов и нити строк.

Земные мрачные дороги
На песни душу извели.
Стоять бы неба на пороге,
Свернуть с глухих дорог земли.

Бог звал: пребудь же в кущах рая.
А мне всё мало звёздных бездн.
Слова чужие подбирая,
Плёл нити строк; не до небес.

Но путь не короток до гроба.
Да и недолог путь земной.
Вся жизнь и чувств, и мыслей проба.
И вечно небо надо мной.

28.06.2017

ДАВНЯЯ ИСТОРИЯ

В путь... Пора... В дорогу дальнюю...
Пряха нить совьёт кудельную.
Мне ль историю вам давнюю
Рассказать? Слова не в счёт!

Всех в рубашечку нательную
Смерть однажды облечёт.

Жизнь, как тени мановение.
Ввысь душа; да что ж ты, пташечка!
Та рубашечка, наверное,
И не греет? – а твоя.

Та последняя рубашечка.
Путь в посмертные края.

29.07.2017

СОН-БАРАШЕК

Досчитай, чтоб сон пришёл, до ста, до
Тыщи досчитай, а смысл каков?
Кто нагнал сюда вот это стадо
Розовых барашков-облаков?

Полыхнёт заря над спящим лесом.
Облака-барашки – ну и ну! –
С непомерно-детским интересом
К моему глухому льнут окну.

То они по небу разбежались.
В дудку дует, веет ветерок.

То в кружок они слепящий сжались,
Облачка; считаю – всё не впрок.

Пусть во всём подчас немного проку.
«Тра-та-та!» – толчётесь наверху.
Растревожат барыню-сороку.
Спать и мне мешает, и стиху.

«Хватим вам, разбойникам, бодаться!»
Треск сорочий; впрочем, не впервой.
Я гляжу: стиху куда податься?
К облакам? К подушке с головой?

Спать бы спать; и сны бывают краше.
Я проснулся, что за ерунда?!
Мой словесный розовый барашек,
Сон-стишок, не делся никуда.

29.06.2017

ПОЭМА О ПОЭЗИИ

В стихах ли кто сходил с ума,
Кто вечно в небесах витает?!
Да и Поэзия сама
Цветёт; и... за сердце хватает.

Те колокольный звон поют,
Живописуют в слове блёклом.
Домашний этих съел уют;
Глянь в окна – слёзы слов по стёклам.

Любовь и кровь; не в глаз, так в бровь.
Чувств нежный всплеск и блеск лампы.
Что хочешь, в рифму и буровь,
Слов извергая водопады.

Любовь, она в любой строке.
Дойдешь до ручки и до точки.
Всем разжевав накоротке,
Родятся, как сынки и дочки.

Так мы и знаем обо всём.
Да и соврем не понарошку!
В издательства стихи несём,
Словами сыплем на дорожку.

И в лепестковости пустой
 От бестолковости и лени
 Вздор называем красотой,
 Упав пред сором на колени.

Поэзия! Да хоть убей,
 Коль ты не видишь и не слышишь
 Целующихся голубей
 На скользкой их и мокрой крыше ж.

Такие, братцы, времена,
 Что за поэзию б не браться.
 А взялся – вот же бремя! – на.
 Да как же здесь... не расстараться?

У слов и запах есть, и цвет.
 Поаккуратнее б со словом.
 Мой всем и каждому совет –
 Загрём в молчании суровом.

И если трудно помолчать,
 И слово просится наружу,
 Клянусь: что лучше помычать;
 Молчанья клятвы не нарушу.

И так до Страшного суда
Без лишних слов, без речи праздной.
Любовь к Поэзии всегда
Была болезнью презаразной.

Кому погуще б красоты,
Морей коралловое чудо.
И в райские с утра сады.
Болезнь не хочешь? Нет? Хочу, да!

Мы в результат запряжены.
Летим на риф под рифм плясанье.
И... с головой погружены
В словес обычной писанье.

Да где же тот цветущий риф?
Смолк шорох крыльев голубиных...
Поэзия не в звонах рифм.
Поэзия – души в глубинах.

29.06.2017

*«Ты просишь спеть мне о любви
Под тихий всплеск струны...»
Что с нами делает музыка!*

ВСПЛЕСК

Цветы... Овации... Записки...
Сплошной салонный лоск и блеск!
Но в сердце жил надрывно-близкий
Струны гитарной тихий всплеск.

О, как звучал аккорд прощальный!
Привычный хмель бродил в крови.
Под тихий всплеск струны печальной
Ты просишь спеть мне о любви.

Огонь чуть теплился в камине.
В бокалах нежилась вино.
Любви и не было в помине,
А сердце поет всё равно.

Солоно-терпкою, больною
Её смахну – слезой с лица.
И всё ж гитарною струною
Навеки связаны сердца.

28.05.2011-02.29.2017

ПОСЛЕДНЯЯ НОТА

Белый город. Прибой. Бесконечная
горечь разлуки.
Брызги солнца и волн; и... к перрону
подогнан состав.
И последней из нот – сцепок лязгнувших
резкие звуки.
В ночь состав отгремел, у перрона
маячить устав.

То не в море волна; рельсы мощно
и бешено гнутся.
И стакан дребезжит, к жалким пальцам
спешит от окна.
В эту ночь, в эту жизнь мне теперь
никогда не вернуться.
Жизнь прошла, пронеслась; где-то
в сердца глубинах она.

Ноты скорбных разлук, ноты всяческих
встреч отзвучали.
Мир ничуть и не нов; что слова с дрожью
слёзною век?!

В ночь отходит состав, а стою
на спящем причале.
И встречают меня, и не сбыться разлукам
вовек.

30.06.2017

Антихрист, Мошиах, Великий Архитектор
Вселенной, и прочее, и прочее, всё это сам
Дьявол в людском обличие или во всякого рода
терминах.

ПОГОНЩИК

Так зрим в короне череп, и рубин
Кровавым блеском злое полнит время.
Мир дьявола всплывает из глубин
Огня и мрака; сгинь, людское племя.

То новый мир; иных времён, племён.
«Мне кто не раб? Да будет мне слугою!
Слуга печатью царственной клеймён.
А раб отмечен долею другою!»

МАМИН НАКАЗ

Помню, мама говорила:
Ешь, не чавкай полным ртом.
У души свиного рыла
Не должно и быть притом.

В нас дыханием от века
Богом данная душа.
До свиньи ж от человека –
Шаг; и кушай не спеша.

Чем душа главнее тела,
Ног и рук, и головы?
Мама что сказать хотела,
Поздно я постиг! Увы!

Душу бы свиньи к портрету,
Век бы жил, был счастлив я.
Без души не жить поэту.
Вот и пью, свиньёй-свинья.

Мне наказ бы мамин помнить
Да умней с годами быть.
Не стакан, а душу наполнить.
Чем? А нечем! Бросить пить!

01.07.2017

ТВОРЕНИЕ

Вселенская трагичность бытия.
Жизнь вечно переполнена страданием,
Чуть слышимым, и громовым рыданьем
Во все пределы мира и края.

То плачет Бог, и радуется Бог
Сам Своему безмерному творенью.
Премногих жизней славному явлению,
Чей вздох мгновенен, ёмок и глубок.

Извергшееся вдруг из ничего
В какие всё обратно канет бездны?
Потоки вод и звёздный свод небесный,
Всё живо Богом – живо для Него.

Я разве жалким словом передам,
Земные смыслы бранные отринув,
Мощь Серафимов, пенье Херувимов?
Мне ль по чужим во мрак идти следам?!

Слова поэта – вечный сон любви.
И рад поэт и спать, и не проснуться.
И к тайне мироздания прикоснуться;
Бог возгласил творению – живи!

02.07.2017

БОЛДИНСКОЕ ЛЕТО

У поэта «болдинское» лето:
Льют дожди, душа стихом согрета.
Обложили долгие дожди.
Удружили; строчек быстрых жди.

Ветры в огороде, во саду ли
Пламень астр – небесных! – не задули.
Бархатцев не тронули ветра.
Ну а залил дождь, как из ведра.

Вымокло в саду панно – тюльпаны.
Панночек в саду полно, а паны...
Зябко им, настурциям, – беда!
Пану Георгину что вода?!

А воды и впрямь, хоть вплавь по саду.
Я под дождь за строчки и засяду.
Льёт всё лето, залит белый свет.
Мак намок, но пышен маков цвет.

Дождь с утра, а то и вечерами.
Дождь всю ночь; всё к чьей-то
жизни драме.

В огороде тыквы не растут.
Кабачок водой набух, раздут.

Что же это, братцы, на земле-то?
У поэта «болдинское» лето.
Пишутся чудесные стихи.
И другой не нужно чепухи.

Что ж ты, дождь, всех прочих пожалей-ка.
Вот тебе стихов пустышных лейка.
Ладно б осень болдинской была.
Что за лето, если нет тепла?!

03.07.2017

ЛЬДИНА

Словно льдина под ногами, время тает.
Долго ль мне по жизни двигаться реке?
Гляну: времени в жизнь вникнуть
не хватает.

Миг, и – вот! – водоворот невдалеке.

Да на льдине ли, на льдинище? –
на льдинке

Балансируешь на крайней; так всегда.

Ёмкой жизни прошлой в памяти картинки.

Миг, и всё! И ничего! И ни следа!

03.07.2017

МОЙ ИНТЕРНЕТ

*Или грустная повесть, рассказанная мною в
стихах, о глупых и повсеместных «смайликах»
и забытых романах.*

Время долгих романов ушло навсегда.
Так во мрак от перронов ушли поезда.
Обезлюдил напрочь перроны.
Гвалт вороний – их крик похоронный.

Время всем о себе и вещать, и трещать.
На себя и внимание всех обращать.
Перед всеми себя и являя,
О себе заявлять: я и я, я!

Я – и вспыхнул дисплей; я –
и время пошло.

Полетело, помчалось; душе тяжело,
Если нет пред глазами экрана.
Утром поздно и вечером рано.

Да и времени нет, есть один Интернет.
Все «в контакте»; контакта по сути и нет.
Нет контакта меж нами и вами.
Я – любого стоит за словами.

СИСТЕМА

Весь оцифрованный живёшь.
По файлам, по досье проходишь.
А ведь по сути та же вошь.
К ногтю, и... не блажишь,
не шкодишь.

Система каждому даёт
Возможность жить; плати налоги.
Купи хоть тысячу Тойот,
Но проверяющие строги.

Налоги плачены тобой?
Ну вот и славно, вот и дока!
А если с детства и тупой? –
Тебе подскажут: где и что как.

Кредиты – вот народ берёт.
Ты весь просвечен, оцифрован.
А, впрочем, кем-то наперёд
Уже премного обворован.

На Богом данную тебе
Свободу воли – этак, так ли
Самим собой в своей судьбе
Пребыть, а не в игре-спектакле.

С УТРА И В РЕСТОРАНЕ

Среди богатых был и я небеден,
И вхожим был в престижные дома.
Среди застолий праздничных, обеден
Жил-не тужил; ничуть не задарма.

Я ставил свечи, жертвовал на храмы.
Господь зачтёт великие труды.
А жизнь подчас – комедии и драмы
Одни подмостки; счастлив? – жди беды.

Гуляла голь по бару-ресторану.
Вор плёвый этот выкупил кабак.
А я туда позавтракать с утра – ну! –
И в морду мне; видали, мол, рубак.

Я на груди рубаху рвать не стану.
Я позвоню и тихо так скажу:
Сюда ОМОН сейчас, ребята, стянут.
А мне: понятно голому ежу –

Канай! Вали! Мы завтра здесь гуляем.
Сегодня мы догуливаем то ж.
И в морду мне, мол, пьём, а не киряем.
Чего стоишь? Чего ж ты, фраер, ждёшь?

Меня пинками дальше гнать от двери.
А я всё лез: я тоже, дескать, свой.
Простак, я в милосердьё Божье верил.
В пасть волчью лез бараньей головой.

Нет, господа, есть, есть в законе вóры.
А есть на свете попросту – воры́.
Какие между нами разговоры?
Вы морду берегите до поры.

04.07.2017

В САДУ

В саду уснувшем и не слышен
К траве прильнувший ветерок.
Притих меж яблонь, между вишен
Небесный гость земных дорог.

Луна сияет, словно сваха
Дела закончила свои.
Глядишь, и грянут – впору ахать! –
Нежданных свадеб соловьи.

А вишни рдеют, вишни спелы.
Ранет краснеет неспроста.
С ветвей налив сочится белый,
Медово просится в уста.

А мы покорными устами
Наш приближаем поцелуй.
С травой, с деревьями, с кустами.
Сад – весь в сиянье лунных струй.

05.07.2017

СУДЬБА ПОЭТА

Нет и злее труда, да и тягостней боли,
Чем упорный свой труд проклиная, любя,
Перепахивать это словесное поле,
Перепаханное – и не раз! – до тебя.

А ещё семена сыпать верной рукою.
Ждать: созреют колосья, не лягут хлеба.
В Божьих житницах – век бы стремиться
к покою! –
Труд зачтётся и твой; вот поэта судьба.

05.07.2017

ПЛАСТЫ

Поэт! Слова подчас пусты!
В запой, в забой пора!
Вздымай словесные пласты,
Что уголь – «на-гора».

Да из каких ещё глубин
Должны слова идти?
В пласты вгрызайся, уголь – руби.
Тепло и свет – в пути.

Давай, вставай, поэт! И впредь,
Куда ни лезь во тьму,
Должны слова светить и греть.
Иначе – ни к чему.

Бывает, солнца не видеть.
Ни света, ни тепла.
Но Божья в Слове благодать
Вовек бы пребыла.

Как после вахты под землёй
Пласт новый сокруша,
Глядишь на солнце – чёрный, злой –
Жизнь всё же хороша.

05.07.2017

ЛАЗОРЕВЫЙ ЦВЕТОК

И не бросок, и не ярок; не засох,
и росы – слёзы.
Неба синего синее вспыхнет каждый
лепесток.
Это мой тебе подарок. В память! Нет,
не яркость розы;
Чтобы слёзы жгли сильнее, мой
лазоревый цветок.

Он о многом и напомним; о былом,
навек изжитом.
Василёк дарёный... где-то смять и бросить
не спеши.
Сердце радостью ль наполнит, в поле
выросший во ржи там?
Сбережешь ли дар поэта в злом
гербарии души?

Не забыла, разлюбила. А рассветы мы
встречали.
Ты и вспомнишь – не заплачешь,
и грустить не станешь ты.

Что за узел разрубила? Жить в разлуке –
не в печали...

От себя ж и не спрячешь счастья
смятые цветы.

Мой лазоревый цветочек, василёчек –
вспомнишь снова.

Сини этой нет небесней в красоте цветка
земной.

К лепестку и лепесточек; ну а к слову
будет слово.

Не засохнет, станет песней тот цветок,
дарённый мной.

06.07.2017

ПЕРЕМКНУЛО

Приключилась, ребята, со мною беда.

Перемкнуло во мне все мои провода.

С жизнью все пооборваны связи.

Так цветок засыхает в прекраснейшей вазе,

Если не долита в ту же вазу вода.

КУСТИК

Помянуть, проведать кости.
Полям – к мёртвым – через лес.
Что за кустик на погосте
Чуть ни под ноги подлез?

Здесь лежат и те, и эти.
Кто роднее? – не пойму.
Пожил кто на белом свете
И спроважен был во тьму.

Лишь один остался кустик,
И целёхонек ещё.
Горькой преисполнен грусти,
Слёзы я смахну со щёк.

Что ж, помянем, друг-товарищ,
Братец-кустик, всех подряд.
Вся и жизнь – одни слова лишь;
А про смерть не говорят.

Куст не вырвать мне из глины,
Из могильной; то ж – родня.
Он разросся, куст калины.
Пережить решил меня.

Приезжаю; капли ягод
В листьях, словно капли слёз.
Так разросся кустик за год.
Долго жить решил всерьёз.

07.07.2017

В ДОМЕ У РЕКИ

В нашем доме, в доме нашем, в пятом,
Что по счёту с краю у реки,
Каково живётся нам, ребятам,
Всем законам жизни вопреки?!

У богатых тоже к счастью слёзы.
Так у бедных слёзы на крови ж.
Никудышной жизни этой прозы
И не знать, не видеть норовишь.

Жило-было горе здесь на горе.
 Путь в шинок у многих недалёк.
 Люся шла; за бабочкою вскоре
 Увязался шалый хахалёк.

Мотыльком с бутылочкой на пару.
 Что работа? Впору закусить!
 Говорит: «Я ваш попутный парус!
 Может быть, нам выпить, закусить?»

А работа – дай, подай, братишка.
 Поднести чегой-нибудь кому.
 Не трудясь, упорно можно ишь как
 Жить, ребята, просто по уму.

Скорешились он, она и кто-то
 В нашем доме, в пятом, у реки.
 Да и к чёрту всякая работа;
 Ох, гуляем нынче, мужики!

И пришла великая Забава.
 Тоже в нашем доме есть она.
 Да и Люська – чем она ни пава?
 Правда, пьёт не в меру и до дна.

При Люсьен такое закрутилось.
Вспомнили, кто пили, про лосьон.
Аж проводка вся закоротилась;
Вспыхнул свет! Куда ж всё делось? Он!

Стыд и Срам напротив жили где-то.
Тоже пили часто по утрам.
Глянул Стыд – бабёнка неодета.
Стыд ушёл, остался только Срам.

Тут же, глядь, Резня, Грызня и Драка.
Пить с утра? Да как же без Любви?
Как без дома пятого, барака?
Кто поджёт? Хватай! Держи! Лови!

Ох, и слёзы многие прольются!
Жили-были, выпали в реал.
Часто ли богатые смеются,
Видя жизни грустный сериал?!

07.07.2017

ПОДЗЕМНЫЕ КЛЮЧИ

Всему бывает окончанье.
Поэт, в какие дебри влез?
Гремит подземными ключами,
Ветвей топорщит брови лес.

И ветви елей злы и колки.
Топорщатся, не обойти.
В мозги впиваются иголки,
Да и другого нет пути.

Над зябко плещущей осиной,
Дрожащей зыбкою листвою,
То ль взгляд медлительный лосиный?
То ль диск луны над головой?

Берёзы никнут, сосны стонут.
Туман ползёт на берега.
В речных глубинах звёзды тонут.
Синеют в сумерках луга.

Но зори юные прольются
Над лесом, лугом, над рекой.
Ключи подземные пробьются,
Лишь рифмой их побеспокой.

И заиграют цветом вешним
Слов обретённых родники.
И вспыхнет строчка; станет вечным
Звучанье леса и реки.

И даже диск луны приемлем.
Был диском диск, и будет впредь.
Ключам подземным все мы внемлем
Дверь в мир созвучий отпереть.

08.07.2017

ФЬЮИТЬ

Папа Фьюить, да и мама Фьюить,
Будет о чём им поговорить.

Деткам расти; дай, подай им поесть.
К солнышку гнёздышко выше подвесь.

Чтобы светлей, потеплее и по...
По... полететь бы к реке Лимпопо.

Мир повидать, крепче стать на крыло.
В головы детям да чтоб ни взбрело.

Столько волнений за деток не зря.
Петь горихвосткам ни свет ни заря.

Горюшку вечно висеть на хвосте.
Пёрышку в дивной гореть красоте.

Фьить и фьюить! – петь и петь им с утра.
Фьить да фьюить: ладить гнёзда пора.

08.07.2017

ПТИЧЬЯ КАПЕЛЛА, ИЛИ ПЕСЕННЫЙ ЗАМЕС

В лесу варакушка пропела.
Напевов птичьих крут замес.
Птиц голосистая капелла
Слетелась вдруг из разных мест.

Тогда-то всё перемешалось
И закрутилось; там и тут
Птиц голоса; их то ли шалость,
То ль спевки птичьи впрямь идут?

И горихвостки, и зарянки.
И вечно юркие вьюрки.
И свист над лугом коноплянки,
И зимородка – у реки.

Лазоревка, беспечный зяблик.
И вездесущий королёк.
Над глубию над речной скользя, блик
Рассветной зорьки недалёк.

И те ли это свиристели?
Иль славкам славить, петь весну?
Заслушаюсь да еле-еле
Очнусь! Капелла! Ну и ну!

Синички, птичка завирушка.
И пеночка – своё: «Тень, тень!»
Я чай не пью, остыла кружка.
Всех так бы слушал целый день.

Распелись птицы, подлетая.
Пойдёшь ли стёжкой полевой,
Там жаворонок – дар Валдая –
Бубенчиком над головой.

О соловье пока не стану.
Да кто не слышал соловья?!
А просто ночью – рано! – встану
И сна лишусь надолго я.

В лесу варакушка пропела.
Так звонок утренний замес
Мелодий птичьих! Грянь, капелла
Лесных и всех окрестных мест.

И воробьям найдётся место.
Чирикание ль не вспомнить их?
Под птичий песенный замес тот
Я выдам этот звонкий стих.

08.07.2017

ЗА ПОВОРОТОМ

Мотало в жизни; кто ты, что там?
Да так мотало! – я, не я.
И за каким-то поворотом
Пропала молодость моя.

Дойдёшь до смертного привала;
Ни светлых дней, ни ясных лет.
И была жизнь, и добивала.
Грустишь, глядишь той жизни вслед.

Не стоит сердцем возвращаться
В навек утраченные дни.
Не проще ль с прошлым распрощаться?!
Верни, попробуй догони.

А что за поворотом новым,
Куда и падать, и лететь?
И не представить всё равно вам,
И мне вовек не разглядеть.

08.07.2017

СПЛОШНЕЙШИЙ МРАК

Как в гроб, ложусь в постель пустую.
Что даром простыни марать?
Одну я понял мысль простую:
Спать одному, как умирать.

Спать одному? Как? Что за мука!
Жизнь перемелется в муку.
Не в муку жизнь? Да что, кому! Как
Жить выпадает на веку.

В конце концов обмоют тело.
Придавят крышкой гробовой.
Душа, того ли ты хотела?
Сплошной мрак над головой.

09.07.2017

НЕБЕСНЫЕ ОКНА

Небесных окон синева
Меж тёмных штор, меж туч тяжёлых.
Я взглядом мысленно прошёл их,
Пересчитал не раз, не два.

Льёт свет из окон отчий дом,
Недаром на небо он поднят.
А мною путь житейский понят
С таким немислимым трудом.

Дойти бы мне, и в дом войти.
В небесный дом; да к окнам чистым
Прильнуть; лишь в двери постучись там.
Там ждут меня в конце пути.

09.07.2017

БЕЗ ЛИШНЕЙ ПОМПЫ

Нас окружили серые войска.
С дождями тучи напрочь окружили.
Так сабельками ливней потрошили
По огородам всходы; ну, тоска!

Из-за бугра враги ли удружили
Да в нищету нас ввергли на века?!

Дал ей волю зажить жизнью собственной;
что же?

Дал ей имя, не чьё-то – своё.

И до Судного дня так при жизни и дожил;
Судит Бог за сплошное враньё.

То и я, и не я; перешёл мне дорогу
Кто-то в чёрном; не тень ли моя?
И вчера для меня к дорогому порогу
Подходил кто-то в чёрном, не я.

И слова говорил очень ладные, кстати.
Никакого меня был милей.

И дорожку торил к светлой, памятной дате
Тёмной смерти, не чьей-то – моей.

Раздвоилась душа; да и я ли, не я ли?
Сам теперь ни за что не пойму.
Там, где горние выси для сердца сияли,
Кто-то в чёрном повлёк – да во тьму.

Я не верил ничуть в сказку древнюю
в эту:

Недобра, дескать, жизнь и незла.

Тень моя и пошла, полетела по свету,
И меня за собой повлекла.

Что ж ты, небо, всё плачешь над нами?
Слёзы льёшь и ночами, и днями.
Вот уж месяц! Не май!
Кто и как понимай.
Мир захвачен давно колдунами.

Колдуны и ведут да не с нами бои.
Против Бога устроили козни свои.
Мы грехи, люди глупые, множим.
Ничего-то понять и не можем.

11.07.1017

ХРИЗАНТЕМЫ

Я не успел с жасмином попрощаться,
Так хризантемы нежно расцвели.
Сударыни, к вам сердцем обращаться,
Быть сразу в небо поднятым с земли.

Не возноситься в небо, опрощаться
Пред Красотой в словесной мне пыли.

Творенье Божье дышит Красотою.
Поэт, пред хризантемами постой.
Пред всех цветов невинностью святою
Живи, смиряйся в радости простой:

Поэт, уж если что-то я и стою,
Так сам дышу Господней Красотой.

12.07.2017

ПОДЛЕЦАМ

Почему подлеца мы зовём подлецом?
У него нет лица; нет лица под лицом,
То лицо и зовётся личиной.
С виду всё и пристойно, и чинно.

Ухмыльнулся подлец; улыбнулся, подлез.
Он ещё и куснёт, он ещё и подьест.
Складно скажет в глаза, не запнётся.
За глаза в сотый раз ухмыльнётся.

Лгать ли, глядя в глаза, дела нет
и подлей.
К самым добрым словам каплю яда
подлей,
Лести каплю – сладчайшего яда.
Так душа чья-то глупая рада.

А заедь по лицу подлецу-стервецу.
В суд потащит; обидели, дескать, овцу.
Волком-волк; для чего и личина:
Морду прятать пристойно и чинно.

13.07.2017

ПЛАХА

О сколько их, голов склонённых, шапок.
Трон высится; да кто ж на троне? Ложь!
Где шапки с головами сняты сплошь,
Трон громоздится – крепок и не шаток!

А там, где плаха, правды там и нет.
Смешалась кровь на плахе с вечной
ложью.

А правда – вдаль ушла по бездорожью
На худшей ли, на лучшей из планет?!

Кто ж говорит, что без добра нет худа?
Ложь торжествует, правда ни при чём.
Пребудет зло на плахе – палачом,
Ложь правит миром, правды нет покуда.

Но неизбывна Божья доброта.
И лгать ли, нет ли? – твой от века выбор.
Тебе удел страдать за правду выпал?
Так разберись: та правда иль не та?

Кляп в глотку вбит – ни слова,
ни полслова.

Под пулей смолк? – и то не навсегда.
Свой крест неси до Страшного суда.
И хоть умри, борись за правду снова.

13.07.2017

СЛОВЕСНЫЙ БУКЕТ

Дарю тебе цветы и те, и эти.
Нарциссы, розы, ирисы дарю.
Пускай цветы в словесном сплошь букете;
Не подобрать их по календарю.

Пусть в сердце расцветают маргаритки
И незабудки... Знаю: вспомнишь ты,
Толкался я здесь у твоей калитки,
По именам перебирал цветы.

И пусть подчас бывало всё неладно ж:
То в небе хмарь, то встречи впопыхах,
Но самый первый, самый нежный ландыш –
Твой по весне, да и во всех стихах.

14.07.2017

НЕПОГОДНАЯ ГРУСТЬ

С утра жасмин и розы в росах.
Заря взошла давным-давно.
И ветер входит в дом без спроса
Сквозь растворённое окно.

Приходит лето, и не веришь,
Что где-то за морем зима.
Давай же, ветер, в окна, в двери ж
Входи, буди, своди с ума.

Пусть в мире всё идёт по кругу,
За солнцем – звёзды и луна.
Весна – с ромашками по лугу,
Дождей осенних пелена.

А в душу грусть нежданно входит.
Пройдёт и лето в должный срок.
И грусть не то, чтоб к непогоде,
А так, для связки вечных строк.

16.07.2017

ЧЕРНИЛЬНАЯ СЛЕЗА

Когда листва с деревьев облетает,
И ветром вдаль уносится листва,
Дождями небо плачет и рыдает,
И к плачу просит подобрать слова,
Душа покой лишь в строчках обретает;
Поэзией одной душа жива.

Я к ветру подберу слова и к листьям,
И к плачущему небу подберу.
Дождям – рыданиям неба –
в строчках литься.

Лететь, кружиться листьям на ветру.
Поэзии, как встарь, звучать и длиться,
Слезой чернильной вечно льнуть к перу.

16.07.2017

Стихи и миниатюры прежних лет

ГУСИ-ЛЕБЕДИ

Затаиться и ждать во мгле беде.
Вороватые камыши,
А над ними да гуси-лебеди!
Так – не высказать! – хороши.
Птицам радостно милые
видеть места.
Закурлычат и неспроста.

Где-то вечно-цветущие дали.
Да к родимой влечёт земле.
Гуси-лебеди встречи ждали.
Вспыхнул выстрел во мгле.
Смерть подкралась нежданная
издалека.
Взвилось эхо под облака.

Птичьей кровью душа его сыра,
Чей был выстрел над озерком.

И с нелёгкой добычей с озера
Он, убийца, бежал тайком.
Миг, и вскинуты были глухие стволы.
Сверху – перья! Белым-белы!

Бойкий выстрел – души утеха.
Добивай же концом весла.
Обагрённое кровью эхо
Мгла кругом разнесла.
Им лететь и лететь бы;
другой стороной
Возвращаться к земле родной.

Что ж вы кружитесь? В жалком лепете
Всё-то кличете в камыши.
Гуси-лебеди, гуси-лебеди.
Так – бессмысленно! – хороши.

26.07.1983-22.08.2017

НЕЗНАКОМКА

Кто ты? С кем? Всё, всё теперь далече.
О тебе и знать не знал никто.
С холода вошла; ссутулив плечи,
Куталась в роскошное манто.

Я лица не помню, рук не помню.
Ты в налипшем вся была снегу.
Душу я знобящей нотой полню,
О тебе не думать не могу.

Задержись, помедли, знакомка.
И – вошла, и – тенью по стене.
Звякнувшая под ноги заколка
Зазвучала музыкой во мне.

Выше звёзд отель вознёсся горный.
Да никто не вспомнит здесь о нас.
За тобою полз бы я – не гордый! –
По следам вгрызался в мёрзлый наст.

Кто ты? Где ты? Вьюжило, пуржило...
На мгновенье были мы близки.
Душу мне с тех пор запорошило.
Сжало в льдистой музыки тиски.

10.07.2015-24.08.2017

С ТОСКОЙ ПО «РЕТРО»

Самолёты сокращают расставанья.
Расстоянья сокращают поезда.
Конской упряжью пылятся без названья
Подзабытые с подпругою узда.

Что ж так хочется, чтоб сани, кони...
Трогай!

Чтобы вьюгой зацелована щека.
Вдаль тащиться б той унылою дорогой,
Бесконечною, как песня ямщика.

Так привычно провожаем пароходы.
Их простуженную любим хрипоту.
Если ж выпадет «у моря ждать погоды»,
Так с комфортом в каждом аэропорту.

Ну а мне бы в тёмных, бешеных
буранах –
Занесло да хоть бы к чёрту где-нибудь! –
На каурых положиться, на буланных;
Кони выручат! На верный выйдут путь!

Никаких не признавая расписаний,
В путь – по зову русской песенной души.
Завалиться б от любви хмельному в сани,
Затеряться бы в завьюженной глуши.

Чтобы с песней, зазвучавшею удало.
Чтобы до ночи, до самой темноты
За ворота выбегать устала
Разлюбезная, заждавшаяся ты.

16.01.1083-01.09.2017

МЕЛЬНИЦА

Заскрипели два крыла.
Не взлететь; беда – не горе!
Что за мельница была
У села на косогоре!

Эх, попробуй, увернись!
Крылья тенью вдаль по долу.
Крылья в небо, крылья вниз.
Да... к цветастому подолу.

Мне тебя да завертеть,
Подцепить крылом весёлым.
Мне бы только захотеть,
Чтобы шла молва по сёлам.

Подхвачу лихим крылом
С облаками, лесом, лугом.
Всё пройдёт – не всё в былом.
Пусть немало встреч к разлукам.

А на мельничном крыле
То луна – краюшкой хлеба.
То летит, искрясь, к земле
Солнца куль с подводы неба.

Мелют зёрна жернова.
Время щедро всем отмерит.
Наши косточки молва
Так нещадно перемелет.

Нам и горе – не беда.
Да и любим – не зазорно.
Перемелются года,
Словно солнечные зёрна.

И... мука белым-бела.
Там, глядишь, и свадьба вскоре.
Что за мельница была
У села на косогоре.

01.04.2009-02.09.2017

ВОРОБУШКИ

Что, милые воробушки,
На весь шумите двор?
Иль о его хворобушке
Ваш птичий разговор?

Да что понять вам, пташечки?
Он в думах об одном
Да в беленькой рубашечке
За тёмным за вином.

А думы-то несметные.
О жизни и судьбе.
А думушки-то смертные
О гибнущем себе.

По мне ль ему печалиться?
Не помнит он меня.
Да в чём ему отчаяться,
Себя во всём вина?

И я подчас не милая.
Не песня, не строка.
От сказочного мира я
Стихов так далека.

Ах, оттого ль, от этого? –
Сама и не пойму,
От жизни ль от поэтовой
Тошнёхонько ему?

24.07.2016-04.09.2017

*Командор: «Брось её...»
Дон Гуан: «О, тяжело пожать
каменной его десницы!..»
«Каменный гость» А. Пушкин*

Так сама Вечность держит за руку поэта, и ничего не значит для Вечности беспомощная Поэзия, почтившая недолгой своей благосклонностью гибнущего стихотворца.

ДОН ГУАН

Всё окно в решётчатом убранстве.
Жёстких роз железные цветы.
Мне ли знать в бреду кровавых
странствий,
Как в молитвах снам отдашься ты?!

Грудь и плечи жарко облегая,
Льнёт к тебе ночных одежд покров.
С Командором ты была другая.
Что он медлит, каменно суров?!

Дона Анна, слышишь, Дона Анна,
Поступь Рока из небытия?!
И любима ты, и многожданна;
Хоть на миг, но ты – моя! Моя!

Командор! Сама ли вечность в камне?!
Грозный лик, жилец могил, яви.
Я любим! И даже смерть легка мне!
Смерть – ничто в победный миг любви!

Страшный свет ударит сквозь ресницы.
Вечный свет пронзительней клинка.
И пожатье каменной десницы
Тяжело! И гибель – на века!

Дона Анна, дай же, дай мне руку!
Я ловлю прощальный трепет век.
Всё приму: и гибель, и разлуку.
Лишь бы знать – любим тобой навек!

1983-04.09.2017

ЦВЕТЫ И СОЛНЦЕ

Сказали мне как-то, что жизнь на земле обязана своим возникновением солнцу. И ничему, и никому другому. Я ответил: да, так оно и есть в каком-то смысле, но только почаще просите солнце держаться от вас на определённом расстоянии, блага вашего ради. По проверен-

ным, научным данным это расстояние равняется 150 млн. км. Именно на таком расстоянии от Солнца находится Земля. Ближе нельзя – всё сгорит, и дальше нельзя – всё замерзнет.

Кстати, цветы в моём доме, зимой освещаемые лампой дневного света, тоже, поди думают, что жизнью своей обязаны именно лампе, а не мне, хозяину дома. Ну что с ними поделать? Я не обижаюсь. Пусть живут своей растительной жизнью. А если они мне что-то шепчут насчёт некоей эволюции, так я им вот эти сведения привожу в пример. Не знаю, как до них доходит сие.

Эволюционисты признают; вероятность того, чтобы нужные атомы и молекулы случайно соединились и образовали одну простую белковую молекулу, равна $1:10/113$. Число $10/113$ – это единица с 113 нолями. По оценкам учёных это число больше общего числа всех атомов во Вселенной! А между тем событие, вероятность которого менее $1:10/50$, математики оценивают как невозможное. Число $10/50$ – это единица с 50 нолями. Но для возникновения жизни необходимо гораздо больше, чем одна простая молекула белка. Чтобы поддержать жизнедеятельность хотя бы одной клетки, потребуется около 2000 видов белков,

а вероятность их случайного появления равна $1:10/40\ 000$! Число $10/40\ 000$ – это единица с 40 000 нолей. «Это простое вычисление полностью показывает несостоятельность утверждения о случайном возникновении жизни».

Но цветы, конечно же, не особо склонны ко всякого рода математическим расчётам, да и не особо любят читать, да и не читают, постоянно любясь собой. Ближе к лету на террасу вынесу цветочное стадо своё. Пусть солнцу радуются, меня даже не замечая. Бог с ними. Глядишь, и всё поймут когда-нибудь, оказавшись в какой-нибудь гербарии. А то воскрешу, оживлю их в новом качестве – в стихах или в прозе.

Вечен Творец. Вечно Его творение. И дело не в одном только Солнце.

ВАСИЛЬКОВЫЕ СТРАДАНИЯ

Сплетня в поле стёжкой вьётся,
Сплетня – песней вдоль села.
Что ж, поётся – вот же врётся! –
Парня в омут завела!

Я ль не бился над стихами?
Был влюблён в её глаза?
Там, где в поле с васильками
С неба льётся бирюза.

Парень – барин! – сутки в поле.
Не уходит с посевной.
От сердечной муки-боли
Нелады с одним со мной.

Да кому какое дело?
Пусть судачат, гомоня,
Что девчонка проглядела
Та – глазастая! – меня.

Мне на сплетню – всё равно чью! –
На словесный плюнуть яд.
«Днём работает и ночью,
С ней целуясь!» – говорят.

Говорят, не сплю, ревную.
С бедным сердцем не в ладу.
Так ревную – посеvную
С отставанием веду.

Он, во всём опережая!
Так не стоила труда
Отшумевшая чужая
Васильковая страда.

Не меня встречали сплетней.
Примечали вдоль межи
И весеннею, и летней
Ночкой страдную во ржи.

Эта ночь, иная ль, та ли?
Будут ночи далеки...
Слухам верить – зацветали
Глаз девичьих васильки.

Да её глаза и в песне –
Синий омут – на беду.
И недаром в гиблой бездне
Васильковой пропаду.

1981-20.08.2017

НОЧНЫЕ ЛИЛИИ

Лепестки изящнейшие лилий.
И тревожа душу, и пьяня,
Блеском лун бессонных опалили
Лилии влюблённого меня.

Колдовским дыханием туманным
Омуты русалочки дымят.
Ароматом нежным и дурманным
Лилии мне душу истомят.

Я приду и преклоню колена.
Лилии в букете протяну.
Словно из русалочьего плена
Вырвусь, чтоб в твоём пребыть плену.

Ох, недаром холодила руки
За полночь озёрная вода.
Рвал цветы, и думалось – к разлуке!
Или... нет не скажешь!

Скажешь: «Да!»

Но когда мы были просто рядом,
Не ждала в любви признаний ты.
Мы одним дышали сладким ядом,
Гибельным дурманом красоты.

10.07.2015-20.08.2017

ПРЯЖА

*«Ничто нечистое не войдёт
в Царствие Небесное»*

Мы, как пряжа, как нити, из которых давно уже выткан громаднейший, страшный, красочный и кровавый, как бы узорный ковёр, – сама человеческая история. И замысел Творца с самого начала, которому и начала-то нет, поскольку Творец безначален! – замысел Творца всего сущего как бы всё ещё воплощается в реальность нашу человеческую, в действительность, длящуюся для нас; и многое мы не понимаем, не можем представить в силу ограниченности нашего пространственно-временного существования.

Мы – нити.

В нашей воле – переплетаться, запутываться, темнеть и быть светлыми. Да и просто, не признавая наличия в мире Промысла Божия, отвергающим Его благую волю, попускает Господь жить нам по стихиям мира сего, подчиняясь всякого рода случайностям. Нам дана свобода выбора в определённых временных и пространственных рамках. И духовно, и физически все мы сплетаемся в узор временной и

пространственный, невероятный. И Святые Божии молят Бога о нас, в теле пребывающих, и мы обретаем большее упование на милость Божию в своих молитвах о близких наших – живых и почивших. Да, все живы у Бога.

Вправе Творец и подправить нас, ничтожных и слабых, вправе оборвать, как некие нити, закончившие должное развитие своё – высветлившиеся или потемневшие, ангельски белые или чёрные, губительно обугленные при жизни земной. Вправе и продолжить нас в воспоминаниях, через годы и столетия, переплетая с новыми нитями. Но ковёр узорный давно уже выткан, давно уже нити распущены и собраны; светлые нити – к светлым, тёмные – к тёмным. Светлые нити – там, что и на ум не приходило. Тёмные – в огне неугасимом.

Все мы уже там, в Вечности, пока ещё в непонятном, неведомом для нас состоянии, поскольку мы на этой земле ещё пребываем во времени, но уже там, о чём догадываемся, во что верим. Или не верим...

И по сути своей – мы сами определяем своё дальнейшее пребывание: во Свете ли, во тьме.

ОГНЬ НЕУГАСИМЫЙ

*«И вы были выхвачены,
как головня из огня, —
и при всём том вы
не обратились ко Мне»*

Странные образы и картины возникают в обезбожившем, воспалённом сознании. Или же вне присутствия Божия, пребывая в безумнейших страстях и пороках, переходим мы некую духовную грань, за которой один огонь неугасимый, море огненное, мука телесная от жара невероятного, мучительность страстей, не находящих своего удовлетворения. Одно мучительное ощущение пламени, жара огненного, обжигающего невероятно, но мгновенно ощущаемое телесное мучение переходит в ёмкое, мучительное мгновение не могущих найти своего действенного удовлетворения страстей.

И так до бесконечности — ощущение огня и страстей, мучительно захлёстывающих и тело, и душу. И всё повторяется — и не мгновение за мгновением; но одно единственное мгновение длится в своей бесконечной двойственности испытываемых душевных и телесных мук, и лишь это фиксируется сознанием, всетелесные и

душевные ощущения – только эти, и никакой возможности подумать о себе, вспомнить прошлое. И в этой мучительной, бесповоротной удалённости и оторванности от всего благого и доброго нет никакой потребности у твоей души ни в чём благом и добром. Одна мука и злоба, страсти, бесконечно выматывающие, и пламя, обжигающее мгновенно. Здесь, в клубах, в облаках пламени, возникают жуткие, злобно страдальческие образины бесовские, расплывчатые, огненные и ещё кто-то рядом, чьи-то стоны и крики, и плач, но внимание ни на чём и ни на ком другом не сосредотачивается. Одно море огня кипящего, мука душевная и телесная; и так как бы мгновение за мгновением, до невероятия ёмкие своей мучительностью.

Вечная мука.

И ни мысли о Боге.

И ни малейшего чувства раскаяния.

МЕРА ЗЛА

*«Но вы – род избранный, царственное
священство, народ святой,
люди, взятые в удел, дабы возвещать
совершенства Призвавшего вас из тьмы
в чудный Свой свет»*

Зачем попущено зло Богом? Да без страха спасающего, без опыта личного, без познания гибельности зла, в той полной мере, в каковой обретёт это познание всё человечество, да и каждый из нас, без искренней, бескорыстной потребности в добре не обретём мы и никакого блага себе.

Не испытав мерзости зла, не оценим мы добро.

Не отпав от Бога, не будем нуждаться в Нём.

А чтобы не искушались мы вопросом: зачем Ты, Господи, обрёк человечество на муки невероятные, зачем дети страдали? – так Он во плоти и Сам прошёл наш путь человеческий, и только таким образом – любви к нам и страданий Своих, и примером, как нам поступать в этом мире, дал нам эту возможность – приблизиться к Нему, выйти из-под владычества возгор-

дившихся ангелов, потерявших своё благое естество, лишивших себя должного предстояния пред Богом в силу своей укоренённости во зле и нам препятствующих что-то понять и выйти из-под их власти, лишиться гнёта наших страстей и пороков, самости нашей греховной.

Погибая, мы ищем спасения.

Если ищем искренне.

Через отвержение самих себя мы приближаемся к Богу.

Становимся причастны Духу Божьему.

И Сам Бог пребывает в нас.

Обретаем добро, как выстраданное нами благо.

ИУДЫ

*«Бога не видел никто никогда;
Единородный Сын,
сущий в недре Отчем, Он явил...»*

Бог – Троица Пресвятая, Единосушная и Нераздельная. Бог – невидимый и непостижимый – дал нам уразуметь Себя во второй Своей Ипостаси – во Христе Иисусе, и пребывает в нас, уверовавших, раскаявшихся в грехах и чаю-

щих жизни вечной, в исходящей от Него третьей Ипостаси Своей – в Духе Святом.

Пусть, взявшись за руки, высшее руководство русской православной Церкви в 2006 году на встрече с лидерами различных религиозных конфессий присягнуло в верности некоему единому всевышнему, но это всё пусть пребудет на предательской и прожжённой совести церковных начальников всех рангов, и к Богу истинному никакого отношения не имеет.

Всем известный исторический персонаж, Иуда, предателям веры православной, наверное, и не в пример. А если и в пример, то как же новоявленные Иуды оправдывают своё предательство; проницательным проникновением, приписываемым тому же Иуде, в планы Творца, пониманием Промысла Божия? Всегда можно из красивых слов звучные фразы составить, скрывая за ними свою подлую и просто греховную натуру. «Бог один для всех народов». «Бог – как солнце, а разные религии – это лучи, через которые люди приходят к Богу». В чём же раскаиваться пришлось Иуде, что же так страшно прервал свою жизнь предатель Христа, о том

защитники одержимого страстью сребролюбия, вора Иуды, умалчивают. Не нашли за две тысячи лет должного объяснения произошедшему. А получил Иуда от первосвященников за свой предательский поцелуй немало по тем временам. Тридцать сребреников. И если учесть, что сребреник является тетрадрахмой (4 драхмы, равные 4 денариям), то 30 сребреников – это 120 динариев. Жалованье за четыре месяца римского легионера или четырёхмесячное жалование при семидневной рабочей неделе. В переводе на деньги века нынешнего, исходя из ежемесячной зарплаты – это 10-12 тысяч долларов работающего западноевропейца. О заработках среднестатистического россиянина здесь и говорить не приходится. И дело не в одних деньгах, но в совести, поздно проснувшейся мыслью о непоправимости всего содеянного, ввергшей в отчаяние и замучившей Иуду. Современные же предатели и их апологеты вряд ли совестятся и отчаиваются в чём-то, вряд ли ищут какое-то обоснование своим поступкам. Просто живут – «здесь и сейчас», не думая ни о каком загробном воздаянии, а если и думают, то

лукавым образом, наверное, надеются на вечное милосердие Божье. Для них Бог – не Судия грозный; а сплошная любовь ко всем: и малым, и великим, и злым, и добрым; вот и простит, и помилует...

Бог им Судья.

ЛЖИВЫМ ПАСТЫРЯМ

(По мотивам произведения одного из православных поэтов)

Откуда вы, не верящие в Бога?
Сан обрели да возлюбили мзду.
Не к Небу ваша скользкая дорога.
Земной ваш путь – навек пребыть в аду.

В сердцах у вас коварство и лукавство.
Вы слуги ваших низменных страстей.
Сыны земного, дьявольского царства,
В своих глазах Святых Отцов – святей.

Для вас ли Слово Божие законом?
Вы ж веру в Бога, Истину поправ,
Так лживо припадаете к иконам,
Вокруг себя еретиков собрав.

На поклоненье Риму оголтело
Спешите вы, безумных служек сонм,
Извергнуты вы из Христова тела,
Из Церкви Божьей прочь гонимы, вон.

Куда ж ведёте? В ад идёте сами.
К дарам... с петлёю гибкой для иуд?
Иконы плачут – кровью, не слезами.
Грядёт Христос! Грядёт и Божий Суд!

февраль, 2017

Поэма

КРЕСТИНЫ СЫНА

История продолжительных злоключений моего знакомого, постоянно им припоминаемая с различными новыми подробностями; мною же пересказываемая в основных 10-ти частях.

Начать бы сие повествование, как бы поэму в стихах, без всякого предисловия. Но, думается, понятнее будет причина, вызвавшая столь продолжительные и подробные воспоминания моего давнего знакомого о когда-то произошедшем. Великое множество всякого рода невообразимых историй происходило, да и будет происходить со многими из нас. Самое подчас невероятное и вчера просто невозможное становится вполне приемлемым. Так легко отступаем от всего благого и должного, так бездумно и покорно начинаем привыкать ко всему

недостойному. Ладно бы во храмах, во всей своей внешней красе православной восстановленных, непотребные танцорки песенно изгалялись, детвора гимнастические номера показывала, шатия-братия различная артистическая в трубы дула, в барабаны стучала; ладно бы, всё это когда-то делалось при закрытых Царских Вратах, но кое-где и иконостасы уже убраны были за ненадобностью; священники и те, где только ни пели, ни плясали, так некий митрополит при открытии мечети громогласно изрёк: «Я дал обет-обещание Богу-Аллаху, что, когда будут открывать эту мечеть, я подарю ковёр. Я так долго ждал этого дня, и вот сегодня хочу обет этот выполнить. Я хочу подарить мечети этот прекрасный ковёр. Не синтетический». От себя добавим: конечно же, ковёр натуральный. Да и как не похвастаться перед всем миром своим подарком. В новостях по TV, чтобы не смущать православную публику, как и не было обещания Богу-Аллаху, оставили епископское обещание одному только Богу, но не воробей слово: не поймашь, не спрячешь вылетевшее словцо. Вот и думаешь: ну чем не последние времена? Прежде воцарения общемирового правителя – Антихриста дух Антихри-

стов, дух гордости, вседозволенности и лукавой терпимости ко всему самому невозможному обуял многих и многих.

Хотя не в столь далёкую атеистическую эпоху и не до такого обесовления, и не до такой мерзости многие из нас доходили.

О том и «Крестины сына» – история нескончаемых злоключений моего знакомого.

1 – Начало нашей истории.

2 – Ночной, в мыслях непрекращающийся, разговор с женой. Сон. Сумбурное застолье.

3 – Стычка с попом.

4 – В милицейском воронке.

5 – Пересказ произошедшей стычки.

6 – Утреннее похмелье.

7 – В автобусе, или попутные размышления о многом.

8 – Расправа.

9 – Комсомольское бюро.

10 – Суд.

А я в роддом – букетище цветов.
 Всех расцелую! Всех! Готов!

А пьян? Так что ж? Никак не протрезвею!
 Кто ж сына Вадьку Вадьюкою назвал?!
 Беру такси, и хмель в пути развею.
 Попутно тещу взял... расцеловал.

Но тещу – зря! С неё и началось.
 Точь-в-точь
 И в тещу вся, и всё переча, Тося
 Хотела дочь.

Старалась – дочку! И не понимала,
 Когда задумала рожать,
 Здесь бабьего старанья мало.
 А есть кому за нас решать.

Для женской логики – увы! –
 Извилин мало головы.

Не вышло – дочка; счастлива – сынок!
 Забытым гостем в собственной прихожей
 Себя встречаю – одинок! –
 И слышу: «Миленький! Пригожий!»

Шум, гам от жёниных подруг.
Откуда столько? Сразу! Вдруг!

Как сядут за стол: Мани, Тани, Вали.
А на десерт им сына б моего!
При мне троих по-русски их и звали,
А то – Снежана, с Жанною Марго.

Куда ни плюнь – с Анжелами Эдиты.
Я взгляд жены – когда ж поем? – ловлю.
Жена шипит: на кухню, мол, иди ты!
А гости, гости: «Люшеньки, лю-лю!»

То соску в рот сующие, то пальчик,
Подметили, сынишку теребя:
«Ой, девоньки, и верно! Мальчик!
Ой, Тося, весь – и глазками в тебя.

Ой, гули-гули!»
Смолчать смогу ли?!

Ждать пауз долго в бабьем «тет-а-тете»,
Жену захвалят! Просто молодец!
А я скажу, да как родятся дети.
В подобном деле важен, мол, отец.

Хлеб с кухни спёр, жую с водой
и с луком.

А намекаю, будто бы шутя:
«Невелика и честь не по заслугам,
Но здесь отцу ж обязано ж дитя!»

«Чем сын обязан?» – отвечать? И...
Невольный сделан жест рукой.
Жест о естественном зачатъе.
«Ведь не пробирочный какой!»

Тут жёнин взгляд – глаза куда ж
не день ей! –

Потёкшей тушью вымочило век.
«Пробирочный, то про... происхожденье.
Он, – говорю, – такой же человек».

Я Тоське тут же: «Милая, доколе?
Пелёнки, стирки, вечный тарарам.
Не завтракая, мне легко ли
Перебиваться так по вечерам?!»

О том же теще! Тёща стала бабка.
Так разжую: «Коль вашей дочке – муж,

Возник почин во здравом ли в уме тот?
Быть маяком в работе и в быту.

А если впрямь всех почестей лишат?
Мне даже снилась адская работа.
Кто выдал план, кто сколько
пролил пота? –
За нас верховодители решат.

Как в руку сон! Мученья продлевают.
Мы, в общем, в общем варимся котле.
А сверху – черти! – масла подливают.
Передовым командуют: «Алле!»

Давай! Давай! Повеселее!
За что работаешь? Тоска!
На главной в городе аллее
Для нас – почётная Доска.

Колелем разум порчей, сглазом.
Живёшь, страшась; хоть плачь, хоть вой.
На Доску нас почёта разом
Вниз присобачат головой!

И в цех войдёшь – слова плаката:
«Даёшь!» – «И так, – бурчу, – хана!
Недодали проката,
А больше – чугуна.

А чтоб не дать металла
Стране? И мне чуток?!
Себя всю разметала,
Ну прямо сена стог!

Послушай, Тося, нутка!
Всего одна минутка!»

А Тоська слезла, подлая, с постели.
Скрипела раскладушкой до зари...
И те ли мысли, – помнится, – не те ли?
Но лишнего чего не говори.

Так на бюро позорном комсомольском
Я – сдуру! – дурь и выкажу сполна.
И всем разляяться, как моськам
В посудной лавке на слона.

Молчать бы дурню, слушая попреки.
 Да на бюро шумят вокруг дубы.
 Шумят о пьянства злом пороке:
 Скорей исправился дабы.

Я на бюро о той скажу промашке:
 «Что было? Как? А тяпну сразу пять,
 Но тёща – надо ж! – полные рюмашки
 Подносит мне – с ухмылочкой! – опять.

Я думаю: на радостях! За внука!
 Но тёща, бестия, хитра.
 В меня вливает: «Ну-ка! Ну-ка!
 Опохмелю, – шипит, – с утра».

Я в дым и стельку! В самую дрезину!
 Тут вижу – кум с бутылкою, с кумой.
 Брательник – что же? Тоже – к магазину.
 Вот, чёрт хромой! Не ходит по прямой!

Брательникова тут же Танька.
 Брат – не сказать – ну чтобы рад!
 Ей, дескать: «Язва! Перестань-ка!»
 Он весь навстречу, бедный брат.

Ей – плохо, дескать, и вливаю.
И разрушаю их семью...
Пример являю! Не виляю!
Гну прямо линию мою!

«Дня б с «язвою» твоей не выжил,
Брат, – говорю. – Прикинь, Петруха,
взвесь!»
А где брательник? Помню – был!..
И вышел!
Сочувственно мне кум поддакнул:
«Весь!»

Мы песни пели, водку пили.
У кума глотка здорова.
Потом пошли, ещё купили.
И... по колено трын-трава.

-3-

Потом не помню: что и как там?
Был просто пьян, и в памяти прокол.
Составлен акт! Поставят перед фактом!
И подпиши дознанья протокол.

Всю на себя возьму вину.
 Размыслию позже – так! – в себе сам:
 Через пристрастие к вину
 Я лютым был попутан бесом.

Меня бы в шею! Дальше б от амвона!
 Пинками б в зад! Вертелся б на пупу!
 «Шикарненько!» – бубню и вижу:
 «Вона!»

И лапу жму товарищу попу.

Подобное всегда чегой-то значит.
 Я, видно, пьян! Решаю – не иначе!

Попы и сами часто купоросят.
 Не буду глуп!
 Пугну попа: «Гляди-ка, поп, попросят,
 Когда сносить начнут под клуб».

Я говорю: «Давай, решайся! Ну же!
 Не голос – паровозная труба.
 А поп народу разве нужен?
 Ба!

Да по тебе эстрада плачет.
Талант от мира кто же прячет?

Иная, – говоришь, – манера?
Одно в миру и делаем, что пьём?
От пионера до пенсионера
В народном хоре пляшем и поём.

Наденут галстук или галифе; там
Попробуешь, хотя б разá!
А сцену – здесь! И вешалку с буфетом
Здесь на другие сменим образа».

Я говорю: «И в то, и в сё, и в душу!
Я правду-матку высказать не струшу.

Отдашь... кадило?»

Я говорю: «Да, мало, что нахал!
На Пасху, где процессия ходила,
Пущая дым, кадилом кто махал?

Я выражаюсь, видимо, туманно?
Так ежели вопрос ребром,
И без религиозного дурмана
Мы проживём! И требуем добром!»

Глядь – у жены сырой лицо калошей!
Поповы тёща схватит рукава:
«Как трезв – он, парень-то, хороший!
А выпьет – вовсе дурковат!

Ты, батюшка, прости!»... Прости, мол!
Мне сдуру слышится про стимул.

Бюджет семьи припомню тощий.
Озлюсь, что нет большой мошны.
Жена-кликуша вслед за тёщей:
«Ох, батюшка, – вопят. – Грешны!

Прости! Прости!»... И требуют за это
Прощения просить меня.
«За что?»... Но обе, гомоня,
Про списки и напомнят горсовета.

Смолчу и вижу: сына да в корыто.
Свидетелем – кого-то из родни.
Всё шито-крыто!
Никто ни-ни!

Но теща – глядь – за красненькой такую
Купюру вынет! Эко дело! Стоп!
Всех растолкаю! Растолкую!
«Покайся, растаковский поп.

Имей хотя бы совести чуточек.
Обкрадываешь... детвору».
Фраз непечатность парой кончу точек.
И что-ору? Нигде не ко двору!

«Прекрасненько и видел, и заметил –
За красненькой – бумажка «четвертак».
Мне горло драть не из-за меди,
Но четвертак! Обидно так!

Отдай купюру! И не медли!
Иль жить не хочешь по труду?»
Бумажка пакостная? Медь ли?
А по Святым по всем пройду!

«Обыщем! Будет, будет ордер!
А будет мало – так по морде!
Где понятые? Можно без!»
Вошёл в меня, вселился бес.

И в церкви мне спасать бы душу,
А я зарежусь без ножа.
Дай нож – всажу в любую тушу,
Собой и то не дорожа.

Меня и держат, не пуская,
Чего б не сделал над собой.
А не держать – наверняка я
Ещё бы в больший впал запой.

Меня-то под руки! За двери!
А бес – в окно! Меня – сдержи!
«Ага! Не ждали?» – всех заверил.
Начну склонять, как падежи.

Я говорю: «Сидел и сяду
Ещё! А бью – два раза кряду!

Учла бы каждая зараза.
И чтоб никто не забывал.
Я бью два раза!
Оба – наповал!»

А все: «Ну да?»... И сразу началось!
Меня вконец и кума развезло.
Всему виною – теща, Тося...
И пьянство – пребольшое тоже зло.

-4-

По пьянке? Нет? Не знаю ж, отчего так!
Ни с кем в ментовке не был и знаком,
А спутал парня с корешем – погодок,
Дружок по роте! –

С Колькой Меньтюком.

Я говорю: «Послушай, Колька!
Послушай, Колька, друг любезный, ты
И стал ментом? А платят – сколько?!
А! Гады! Сволочи! Менты!»

Сказать бы: «Друг, припомни хорошее!»
Но трясса – трассой – клятый воронок.
Среди ментов – а плечи – во! – и шеи,
Сижу, гляжу, уныло-одинок.

Разбитой молча кровь жую губою.
Да! Навалились! Храбрые – гурьбою!

Что ж, – думаю, – слегка вам
 Пришлось меня помять.
 Но что к чему, легавым,
 Да где уж вам понять.

За что, скажите, бьёте
 Беспутного меня?
 А сами что? Ещё и хлеще пьёте,
 Самих себя закона выше меня.

«Эх, Колька! – вновь коснусь
опасной темы. –
 «Дружны мы были! Время было! Эх!
 А нынче кто мы? Где мы?
 И смех, и просто грех!

Служили два товарища, а ныне
 Тебе, служаке – вот ведь гад, каков! –
 Тебе, служаке, видимо, цены нет,
 Друг разлюбезный Меньтюков.

По стойке «смирно» кто-то ведь и гнётся.
 Комроты помнишь? Выпили с полста,
 А выпили – ему икнётся!
 Ик... кто б ни вспомнил?
Дескать, неспроста!

Я говорю: «Теперь тебя не трогай,
И звания добился, гад!»
Из тех ментов, пока тряслись дорогой,
К любому обращаюсь наугад.

-5-

«Вот, – говорю, – с того и началось.
Как – дело прошлое! – домой
Да привезла сыночка Тося,
Я взял и сразу высказал: «Не мой!»

А так – не мой! Купай, купая!
Полы и моют! Не дитя!
Не мой? Сама слепая!»
Вверну словцо, шутя:

«Я вовсе не про это!
Сынок весьма пригож!
Глаза, гляди-ка, цвета
Никак не моего ж.

Горластый – ба! Горласта – кто? Глазаста!
В тебя! В тебя! На слёзы – кто легка?
И я шумливый! Лишку дёрнув! За сто!
А пьяный что ли с молока?

И, вообще, измерь, возьми носы – на!
 Сынок родился коего числа?
 Приметы! Пол! Ты бирку припасла?
 В роддоме – люди! Выдали – не сына!»

Шучу, подлец, да шутки не к добру.
 А сплетня будет пущена кумою.
 Мол, за бороду батюшку беру.
 От всех, – ору, – грехов отмою.

Дьячок увёртлив! Мыслю наперёд:
 Хоть синячок оставлю на лице том.
 Не лезет – шельма! – а берёт
 Всё больше голосом! Фальцетом!

Супруга с тещею, с кумой
 Упрутся – не стена я!
 «Давай, – орут. – А ну, домой!» –
 И плача, и стеная.

Поп закрестился, только в том
 И толку, видит, нету.
 Поп окрестил меня скотом.
 И – всё! – хана бы мне тут.

Затрясся поп: «Изыди, сатана!»
А я попу на это – на!

Так садану.
И сам не встану.
Поп: «Изгоню, – восклицет, – сатану!»
Рвёт на груди жидовскую сутану.

Мужик – здоровый! Хоть куда!
А с чёртом сдюжь! Сумей-ка!
Одна трясётся – борода.
И всё! Лежу! А надо мной – скамейка!

А кума, как назло,
В ответственный момент и развезло.
Кум – на рогах! Помочь? Да кабы смог!
А говорят: «Подвальный сбил замок!»

Заборы ль красить кум-то спёр кагор?
Но даром краску пить никто не станет.
Дьячок был рядом; да на ноги скор.
Был рядом, был; и вижу – неспроста! –
нет.

Ох, не впервой!
 А что приобрёл нескоро?
 С таким попом в церковной кладовой,
 Быть может, вовсе не было кагора?

А кум и с ящик, дескать, уволок.
 С пол-ящика в подвале выпил.
 А я, бандит, порушил потолок.
 А дѳвери выбил.

Мне с кумом жуткий был предъявлен
 счёт.

Какой про то придумал охламон там?
 И я кричу: «Недаром и течёт,
 С текущим если медлите ремонтом».

Кричу попу: «Разбой! Грабѳж!
 Ты, поп, в церковной кассе
 Деньгу лопатою гребѳшь!
 А всё иное – сказки.

Нет, – замечаю, – неспроста,
 Нет на самом тебе креста.

Высокий сан! А сам, а сам!»
Гляжу: старухи – Боже! –
К моим и лезут волосам.
Хватать! Попу – слабо же!

Кричу: «Старухи,
Вы что же, глухи?»

Пригреть – пригрели... вора!
И денежки тю-тю!»
А бабок злая свора
И сунется к дитю.

Я – адовой жаровни! –
Визжат, – не избегу.
А теще, Марь Петровне –
Товарки! – ни гу-гу!

А с Тоськи требуют: «А ну
Уйми Ванька, шалава!»
Обороню свою жену.
Ведь замужняя, право.

Обступят кума и куму.
Откуда столько прыти?
Я вмиг забуду: что к чему?
А сын забыт в корыте.

Старухи – чёрным вороньём.
А дело, – вижу, – к ночи.
Как было дальше? В утречко о нём:
«Ну что, – спрошу, – сыночек?»

-6-

Конечно, Тоська взвизгнула напрасно:
«И в церковь шёл, не мог не выпить
чтоб!»

Я говорю: «А книжицею красной
Чего стращал разбойник-поп?»

Супруга с тещей чуть не плачут:
«Да что попы под рясой чёрной прячут?
Ты красной книжки видеть – не видал!» –
«Как не видал? Не в космосе витал!»

Поп коммунистом быть не может?
Да всё на свете может быть!»
Но обвиненья Тоська множит.
И теща: «Меньше надо пить!»

Дошёл! До чёртиков допился!
Семейный кончился покой.
Жена права! Чего добился?
И теща в морду мне клюкой.

Дела – плохи́! Не просто – пло́хи!
 Грехов за мною – коробка.
 Я гнусный был продукт эпохи,
 Где шла с религией борьба.

И мы боролись! Напоролись!
 Не вяжем лыка во строку.
 А как с религией боролись,
 По мне заметно – дураку!

«Мы просто пили:
 И кум, и я.
 А вы где были,
 Родня, семья?»

Я зенки за́лил, а понасказали.
 Не мог и видеть вашего попа!»
 Словесная посыпалась крупа:
 «И впрямь, подлец, безбожно зенки
 залил!»

Наговорят! Ушам и тем не веря:
 «Опохмелите, женщины! – молю. –
 А буен был, так нету зверя
 Страшней, чем заяц во хмелю».

Я – за духи! Мол, что за дело?
И выпью! Будто бы всерьёз!
«Хоть задушись!» – мне тёща прозудела.
И влезла совесть: «Мало бабьих слёз?»

По совести – стаканом!
Хлобысть! И жизнь легка нам!
«На!» – стопку мне жена.
Мной так поражена.

-7-

Иду, как на параде.
Как тактика? Ага!
Мне ж опохмелки ради
И честь не дорога.

С тем из дому! С утра с тем!
Автобус – подлечу.
А сзади кто-то: «Здрасьте!»
А сбоку – по плечу.

Меня в автобус втиснули и вмяли.
Что за автобус? Даже не взгляну.
Себя теряю! Словом – я ли,
Не я? – кого сейчас лягну?

Держусь покуда в силе.
Уже готов рыдать.
Билетик попросили
Кому-то передать.

Бородка ли? Беретик?
«Кому? Кому билетик?»
Налягу на соседа.
Молчит! И вся беседа!

А моему недолго рту разжаться:
«Стоять мешаю? Так, поди, спешишь?»
А жизни – фигурально выражаться –
Сложится так, что в результате – шиш.

Вот мне кричат: «Билетик! Передали?»
А кто кричит? Беретик? Борода ли?
В деваху прямо-таки влип.
Не влип, стоял бы где вдали б!

Тряхнул автобус и второй,
И третий раз! И дале, дале!
Да хоть карманы перерой,
Кричат: «Билетик? Передали?»

Я говорю: «Послушайте, беретик,
Я что ли скушал ваш билетик?»

Так, – огрызнулся, – борода
На это подивилась.
Не продолжала спора! Да!
Собою подавилась.

А я молчал, молчал и стал...
Молчать, как нож под горло!
С похмелья был, и был устал,
А подошло, подпёрло.

Захвачен в общем их ажиотаже,
Кричу: «Билеты! Милые! Когда же?»

Дождёмся, люди! Будем оптимисты!
Билетик – свой! – хотите, передам?
Пожалте, мисс! Ах, ах, не мисс ты!
Тогда, пардон-мерси, мадам!»

А все кричат: «В общественном-то месте
Вы пьяны в дым и стельку, и в дугу!»
А что кричат? Из подлой мести!
Не смеют пить, а я могу!

Я знаю сам до спазм и тихих колик:
Любой мужик сегодня алкоголик.

Мужик туда, где пиво были воды.
А где есть пиво? Где – вода?
На воле нет её, Свободы.
Здоровью масса в ней вреда.

Мы, как в игру играли – прятки! –
А всех водил зелёный змий.
Спивались в массовом порядке.
Теперь не выпей, чёрт возьми.

Оно, конечно, всё равно
Жизнь по своим идёт законам.
И травишь душу самогоном.
Не марочное жрёшь... вино.

Наряд милиции ввалился
В один – порядочнейший! – дом,
Что ж? – самогон и там варился.
Культурны, гады! Пьют со льдом!

Я пить – не пил! А началось:
Всё ждал! Жена когда родит.
Не виновата, в общем, Тося.
Турусы тёща городит.

Я с год не пил! А сын – родился.
Ни-ни! Ещё когда решил!
Не в тогу святости рядился.
Здоровьем сына дорожил.

Сын родился, пошли крестины.
И, тлея, вспыхнула зола.
И нет печальнее картины,
Чем рецидив бывшего зла.

Настанет время, и повсюду,
Чтоб всяк тупого был тупей,
В любую будут лить посуду
Любое пойло! Только пей!

И в церкви быть себе дороже.
Задастых баб! Одни штаны!
Поп, вроде, член масонской ложи.
Сплошное царство Сатаны.

Он, вольный каменщик, довольный,
Где б нечисть ни поразвелась.
То революции, то войны...
Плюралистическая власть!

Семи цветов и ста расцветок
Свет белый был! И жизнь – ясна!
Теперь гляди и так и этак;
Кругом одна голубизна.

И всюду – секты! Поналезли!
Деньжищ! Откуда? – не пойму.
Нужны кому-то позарез ли?
Суди, ряди, гадай – кому?

Порою – мысль: угомонись ты.
Глобально всё! Весь мир дрожит!
Капиталисты, коммунисты;
А кто за всеми? Вечный жид?

Свобода! Вышло всё на то ж!
Нет – жить без денег! – интереса.
И врёт экран, и брешет пресса.
И Высшей правды не найдёшь.

Всё в жизни ясно и понятно.
Земля – кругла! На солнце – пятна!

Как вол, в работе; пьяный, как свинья!
До Вадькиной до памятной купели
Мы жили проще: ели, пили, пели.
Что мог по жизни? Думать разве? Я?

Поймёшь с годами – жизнь такая штука.
Как вышла жизнь, так пальцы и сложи.
И в дом беда войдёт – ни стука! –
Лишь атмосфера в доме... лжи.

Темнят чегой-то бабы наши:
Супруга с тещею, с кумой.
Но всё другое нам-то на шиш.
Пей – не хочу! Хоть руки мой!

Я – пьяный! – выгляжу кретином.
Какая совесть, ум и честь?
И кум обязан был крестинам,
Что неприятностей не счесть.

Ну, было дело! И подпили!
 В отцовских чувствах каждый прост.
 А на другое – нас подбили.
 И кто подбили – с них и спрос.

Так – на бок я башкою съеду! –
 В автобусе, – гляжу, – кричу:
 «Чу!» – пьяным шёпотом соседу,
 И пуговку ему кручу.

Я жизни: «Шиш, а не стезя ты!»
 Соседу: «Что? – с наскоку. – Да?
 За пуговку-то взяты
 И денетесь куда?»

А как? Женат ли? Нет ли?
 Ты время потяни!
 Женитьба – хуже петли.
 Опасней западни.

Быть, быть до свадьбы... жёнам,
 Как Богом, бережённным.

День свадьбы! Всех позвать бы!
 Никто б не позабыт!
 Но вся любовь – до свадьбы,
 А дальше – проза, быт.

Все – под одну гребёнку!
 Прилёт – не спи! Вставай!
 Чуть ни с рожденья – «классиков»
ребёнку,
 Беги давай, для школы доставай».

Попутчику автобусному так –
 О том, другом, о пятом и десятом,
 На поручне болтаясь и вися там,
 Знай говорю! А поболтать – мастак!

Все, все учёны, чья губа не дура!
 И деньги есть, а по деньгам и честь.
 Что институт? Звучней – магистратура!
 И бакалаврам тоже надо есть.

А нам и два хватило б класса.
 Ведь мало горя ж от ума!
 Что классика? Народу – масса!
 За Пушкиным – такая тьма.

И что за чувства каждый будит?
Бросает зёрна в снег? Зимой!
А классиком никто не будет.
И даже классики самой.

Я и жене: «Реформа школы!
И скоро классы будут голы.

У кума – дочек! Наш сыночек!
И в первый класс, и – ой – ё – ё!
Доверят мальчику станочек.
Девчонке с первого – шитьё».

Я чей-то голос – нет, мол! – перебил.
«Не с первого? Так мало то, что рано!
Я пил и спирт, и воду из-под крана.
А пьян с утра? Вчера и перепил!» –

«Я со второго пьян; воды
Стакана два на дрожжи
Вчерашние и... не лады!» –
Вверну какой-то роже...

Я говорю: «С чего и началось...
Ребёнок... Тося...

А выпьешь – канули заботы.
 Согласен? Вот моя рука!
 А без отрыва трудно от работы
 И выучиться чтоб на моряка?

Эх, Вадьку жаль, а так бы на полгода.
 И чтоб радиogramм не принимать.
 Сказать жене: «Помехи! Непогода!»
 А теще вовсе – эт-такая мать!

Эх, Вадьку жаль! С одним и жить
бабьём?»

Стою, соседа под руки толкая.
 Стою, бубню: «С того, – бубню, –
и пьём!

Мужская доля горькая такая».

О чём-то снова
 Спрошу – ни слова!

Соседова меня зазлила прить.
 Моя беда, на что ему чужая?
 И, мой вопрос опережая,
 Себя газеткой сунулся прикрыть.

Обиженный и выхвачу газетку:
«Сам из деревни – древнего села!»
В газетку, будто пальцами в розетку.
Аж оторопь меня взяла!

-8-

Я где-то слез! Набрался где-то сразу!
На вешалку в прихожей погляжу:
За шкурку тещу вздёрнуть бы, заразу.
Пиджак повешу, тещу – погожу.

Бутылки три и выпью бормотухи.
А с кем и где?
Весьма не в духе!
Быть беде!

Я ничего не помню после третьей.
Но тещу сгрёб – сидела над «лото» –
В газетку тычу – ближе рассмотреть ей
Написанное! То!

Пятнадцать мне бы лучше дали суток.
С почёта разлучили бы Доской.
На первую чем полосу так
Попасть газетки заводской.

Теперь хоть плачь, а зря не сетуй.
Был фельетон! Паскудный тон!
Меня, как муху, бить газетой?
«Под мухой в церкви!» – гнусный
фельетон.

Вранья в газетке – больше про меня.
Острастки пущей ради и писали.
На Бога, что ли, да на небеса ли
Он коллектив рабочий променял?!

И между строк – в газетке... Ё-моё!
"Семьёй живём единою, большою!
Люби! Твори! И некто – нищ душою! –
Ушёл от жизни словно из неё!»

Жену и тещу, дескать, совратя.
И малое дитя.

Теперь и плана вовсе не даю,
И не прочел ни книги за год.
И ни того, и ни тую;
И врёт газетчик, врёт в мои глаза, гад.

Я так самим испуган был собой,
Что жалким тиком дёргается веко.
Религии устроив смертный бой,
Убили в человеке... человека.

Я всё кричу: «Мне, вроде, незнакомо!
Наверняка – да, да! – наверняка.
Рука везде... горисполкома.
Незримых органов рука.

А то и просто в горсовете
За списки ведают за эти.
А что в каком-нибудь особом
Отделе! Р – раз! И вдруг – ознобом!

И кто крещён, и кто не спи с кем,
Мол, если что-то, – был, и тьфу!
Отметили в секретном списке.
Внесли в надёжную графу.

Плевками, дескать, опорочим.
Открутим попросту башку.
Куда ни рыпнись, между прочем,
А скажут: «Рыльце-то в пушку!»

Газету скомкав, мыслю здраво:
«Читать и на кой это ляд?
Травите крыс! Одна потрава!
И та – статей газетных яд!

Ах, дело пятое – газета!
Здоровье чти и вовсе не дыши.
Газета непригодна для клозета;
Годна ль она для сердца и души?

И шрифтика свинцового опасней.
И краски типографской превредней
Всё это, ядом пышущее в ней,
В любой статейке, злобной ставшей
басней.

А в басне даже не было морали.
А просто имя – честное! – марали.

Мы в церкви были – «тёмные» такие!
Потешная состряпана статья.
Читайте, верьте, простаки, ей
О цели, смысле бытия.

Так любо-мило!
Аж зацемило!

Любую жвачку могут изготовить.
А рты заткнуть, заставить замолчать.
Духовной пищею, и кто ведь?
Родная пичкает печать!

Так оболгать! Ах, на голову с ног
Перевернут о вроде бывшей драке.
Что жив – то главное! Сынок!
А всё другое – враки.

Но вдали так, что знать не знали меры.
Ребёнка, дескать, энного числа
Крестили и топили изуверы.
Общественность – и вовремя! – спасла.

Отец в религиозном-де экстазе
И сам, и сам
Топиться лез в церковный тазик.
Дорога, – думал, – к небесам!

А я не лез! А как туда забрался?
Так, видно, вдрызг душа была пьяна.
Упал! Со всеми как задрался!
И напрочь вымокла спина».

-9-

На ком-бюро, простуженно хрипя там,
Не грех-то! – исповедаю... Беду...
И чтоб ни поддержать меня ребятам?
Не поддержи, и снова упаду.

У всех-то нервы на пределе.
Мол, было дело! Проглядели!

Притихли все, и дело, – слышу, – глухо!
Что глухо дело, тут уж напрямик
Услышу даже краем уха,
А всем отвечу в тот же миг:

«Что, глухо дело – кто-то пьёт?
Не бьёт баклуши!
А тот не пьёт – баклуши бьёт.
И дело глуше!»

Так отвечая, ткну перстом.
Перст чёрен, будто шпала.
На чьём лице? Врублюсь – на том!
Не тычь куда попало.

Она, зараза, вот как
Коварно губит – водка.

В него и ткну – в очках напротив:
«Некто!»

А возражать – не смеешь! Не велят!
Глаза глядели важного субъекта,
Свой линзами усиливали взгляд.

Сам тип в очках не шишка ль из обкома?
Наш секретарь – мальчонка молодой!
Так выражаться мог ещё б о ком он?
Что и теперь товарищ под балдой!

Все молча смотрят на меня,
Как будто впрямь за что виня.

А тип в очках и глянул, точно тля я!
Окраску делу – этакую! – вдруг,
Крутым баском сидящих подавляя,
Придал! И предал славный друг!

Что имя? Звук! И вляпался – терпи вот!
Настолько друг – не нужно было фраз!
А сблизило нас только пиво,
На пару питое не раз.

И все-то скромненько ж, убого
Да в ту же в дудку: «Ла-ла-ла!
Позорно комсомольцу верить в Бога.
Безбожно пить и вовсе не дела».

Обкомовец: «Ну что? – воскликнет.
Очёчками под самый потолок. –
Что, нету в доме радио, и книг нет?
Ребёнка в церковь, дурень, поволок.

В котором веке? Разве не в двадцатом?
Летали в космос! На луну!»
Обкомовца послушать, мудреца там:
«Да где ж он, Бог? Видали разве? Ну!»

Стою и жду – с какого, значит, бока
Добыют морально? В жалкой тишине:
«Ты сына крестишь! Веришь в Бога!» –
«Ну да, – скажу, – вернее, то есть, не!

И тыщу лет и крестят на Руси,
А в Бога верить – Боже упаси!»
Обкомовец, очёчки протирая,
И сел; и вижу – тряпочка сырая.

Соседка встала – Кошкина Маруся:
«Я, – говорит, – что люди говорят!
И потому судить про всё беруся...
«Звездины» – есть! Советский наш обряд!»

Там это было? Позже где-то ль? Было!
Любая кошка – драная! – горит
Законным возмущением! А пыла!
Усердия! Крестинами корит!

Стою пред нею.
Стою – бледнею.

А говорю: «Послушайте, ребята.
Я говорю Марусе не в упрёк.
Крестить ли? Нет? Маруся, для тебя-то
Неважно, как! Не вдоль, так поперёк!

Тебе, Маруся, видно по глазам уж –
Ну, бешеные! – просто надо замуж!»

Мне тут же секретаришка – навстречу.
Про тот же, про обрядишко: «Звездин!»
Но я и здесь найдусь, отвечу.
Да прямо в рифму: «Не свисти!»

Не где-то разморило – в духотище.
Ругался, говорили кореша:
«Да за какие разве тыщи
Позволю отуречить малыша?»

Я всё кричал о гнусных, о «Звездинах!»
Об «Октябринах!»... – «Есть у вас обряд!
Со школой загс в усилях во единых
Наперебой готовят октябрят?»

Дошёл, дошёл до самых околесиц.
Про иго плёл и: «Каждого спроси,
Да к нашим звёздам ежли полумесяц,
То вовсе быть затурканной Руси!»

-10-

Был позже суд! А судьи – все-то! – бабы.
«Ну, – думаю, – засудят! Не спасут!
Из мужиков ну кто-нибудь хотя бы!
А так, – шумлю, – предвзятый будет суд!»

Судилище!»... Глядят, как на паяца.
А захихикали: «Ну, да!»
Смекну, мигну; мол, нечего бояться.
Товарищеский – это ж ерунда!

Товарищеский – это всё равно ж нам.
Какой ещё, – скажите, – выездной
За столиком за доминошным
Суд с выпившим сидеть бы стал со мной?

И – ба! – гляжу: знакомые все лица.
Спросить: «Ну, как оно?»
Пришли повеселиться?
Бесплатное кино?

А сами? Цирк! Меж вами – гляньте –
рядом
Не Клепиков, а Клопиков сидит.
Сигналы шлёт! Чернильным брызжет ядом!
На целый мир и злобствует! Сердит!

Писать – не пишет! Ядом пишет!
Разводит вонь чернильный клоп.
Где кто-то пашет, кто-то пишет.
И тоже – делу помогло б.

А вот Чин-Чиныч! Эти рады
Делить наш общий каравай.
Язык протрут! Про труд – тирады!
То бич, то клич – давай, давай!

А там зевнут и ясно, что со скуки ж.
А вот – характер! Вечно за душой
У Мякишева – кукиш.
Для всех – большой, большой!

А Тани! Мани! Вали!
Хоть не было б дождя!
Глаза ж намалевали,
Спеша сюда ж, идя.

Чтоб видели и сели.
Один и вижу – съели?»

А суд шумит: устраиваю драки.
Подружки Тоське: дескать, не в любви
Была несчастной, так во браке.
С ним – оглашенным! – поживи.

И стихли разом.
Ко всем заразам.

А всё она! Энергия Петровна!
 Вот ухватиться мухе за вола.
 Ударница тридцатых, ровно
 Тянуть за хвост, речугу завела.

Что нужно ей, двадцатых пионерке?
 Предостерёг – не помню – кум о чём.
 А с ней – трибунка! Вижу – из фанерки!
 Обита красным гордым кумачом.

Ну, смех и грех! Былинных лет обломок!
 Реликт навек забытой старины.
 А голос – дребезжаще-громок.
 Слова – непримиримы и стальные:

«Ты – прошлого позорный пережиток!»
 А я в ответ: «Бабуся, не скажи так!»

Мне: «Встань и стой, чтоб дети поглядели,
 Который враг!»... Позичий не сдаю:
 «Что ж, хорошо! На самом деле
 Не садите!»... И встал! Стою!

Стою, как перст, подъятый к небу.
 Один, как перст, и налегке.
 Издёвкам палец на потребу,
 Где вся-то сила в кулаке.

Событья стал опережать я.
Но бей, кулак, искусно поднырни.
До братского далёко так пожатья
Распахнутой беззлобно пятерни.

Я говорю, что пьющих тыщи тысяч!
Шепну кому-то, глазом помяна:
«Подсечь порок не значит высечь
Всем в назидание... меня.

Со мной работу в массовом порядке
С одним ведут! И кто во что бы вник!
Уж лучше бы сажали грядки,
Под окнами разбили бы цветник».

Уже кричат: «О Штирлице шестая,
Мол, серия! Пропустим! Жалко! Ша!»
Гляжу: детей вспорхнула стая.
Ни друга-брата алкаша.

Две пары лиц к моей подлезут роже:
«Порочишь образцовый дом!» –
«Что ж, – говорю, – судите, люди,
строже!
Упорным искуплю вину трудом!

Хотите? Кошек!»... Бедная Маруся!
 За каламбур невольный тот
 Я извинюсь и помирюся!
 А словно грудью лез на дот.

«Хотите кошек – мало кто их гонит? –
 Поизловлю, и... соли под хвосты.
 И всех делов! И проще ничего нет!
 Добьюсь в подъездах вящей чистоты.

Жить в нашем доме – сразу ватой,
 Входя, забьёшь и ту ноздрю, и ту.
 Окрашу стены краской розоватой
 Под розовую жить у нас мечту!

Хотите, люди?»... Сплошь – пенсионеры!
 У язвенников жалости ни в ком!
 И наивысшей требуют мне меры.
 Не пить, не быть под малым
 под хмельком.

Мол, водку – нет! – не смею трескать.
 И никого не ставлю ни во грош.
 А за меня, пропойцу, дескать,
 Взялась общественность! Хорош!

Поддакну: «Что ж! Ничуть не плох!
Хорош? Ну что ж! Бываю хуже!»
А в голове – сплошной чертополох!
Пошёл молоть по пьянке чепуху же.

Скажу: «Стыжусь! И каюсь! Ни при чём!»
Про чьё-то время скажут – было!
Отметят: жизнь тогда ключом
Целебного нарзана била.

Пока ж на стрелки смотришь у часов.
Скорей с утра к пивной, и ломишь
к бочке.

А завтра – глядь! – замок, засов
На каждой бывшей винной точке.

Вот будем жить; ни пьяных похорон!
Хоть помянуть – боржомом не подпоишь.
Не пить совсем – большой урон?
Ни буйных свадеб, ни побоищ.

Да чтоб не пил, тебе – хитро! –
Внедрят чегой-нибудь в нутро.
И ты – не ты! И сам не свой!
Хоть, в общем, парень с головой.

Как некий знак пометит лоб.
 Чтоб жил – не думал! Остолоп!
 А там и на руку – печать.
 Не то, что взял – так отвечать!

Тут море слышу голосов:
 «На твой язык и взять – засов!»
 Сидеть у всех не стало сил.
 «Встать!» – суд и встал, и возгласил:

«Учитывая слёзную мольбу
 Жены – и слёз-то бабьих – лужа! –
 И в чёрном видела гробу
 Жить одинокая! Без мужа!

И парень, дескать, молодой.
 Всем, дескать, миром
 Мы с вечной пьянства справимся бедой.
 И разнести повестки по квартирам.

Собрание завтра! Жэ-кэ-ка!»
 И все: «До скорого! Пока!»

Содержание

От автора	4
<i>Лирика и многое другое</i>	
Букет	5
Заводь	6
Совесть	7
Поэт и луна	7
Хэллоуин	8
Голгофский крест	9
Предпасхальный день	10
Старинный Рейн	10
Над болотом	12
Сладкие слова	13
Номер	14
Магия	16
Поминный тост	17
Скользкая стёжка	18
Ива	20
Гармонист	21
Бедная вдова	22
Любовь поэта	23
Рыбины	24
На семи ветрах	26
Пьяный космос	28
В лапах зверя	30
При пыльном шляхе	33

Утреннее откровение	34
Фаворский свет	35
Ласточки улетают	36
Вахта	37
Харон	38
Чужие напевы	40
Песенная грусть	41
Русь техасская	42
Пьяная трясина	44

И снова лирика, и всё остальное

Одним рядком	46
Падучая звезда	47
Жемчуга	48
Давняя история	49
Сон-барашек	50
Поэма о поэзии	52
Всплеск	55
Последняя нота	56
Погонщик	57
Мамин наказ	59
Творение	60
Болдинское лето	61
Льдина	63
Мой интернет	64
Система	66
С утра и в ресторане	68

В саду	69
Судьба поэта	70
Пласты	71
Лазоревый цветок	72
Перемянуло	73
Кустик	75
В доме у реки	76
Подземные ключи	79
Фьюить	80
Птичья капелла, или песенный замес ...	81
За поворотом	84
Сплошной мрак	85
Небесные окна	85
Без лишней помпы	86
Тень	87
Плачущее небо	89
Хризантемы	90
Подлецам	91
Плаха	92
Словесный букет	93
Непогодная грусть	94
Чернильная слеза	95

Стихи и миниатюры прошлых лет

Гуси-лебеди	96
Незнакомка	98
С тоской по «ретро»	99

Мельница	100
Воробушки	102
Дон Гуан	104
Цветы и солнце	105
Васильковые страдания	108
Ночные лилии	110
Пряжа	111
Огонь неугасимый	113
Мера зла	115
Иуды	116
Лживым пастырям	119

Поэма

Крестины сына	121
---------------------	-----

Сергей ЛИТВИНОВ

Последняя нота

Стихи... Миниатюры...

Крестины сына

Поэма

Подписано к печати 28.11.2017г.
Тираж 300 экз. Заказ № 563

Издательство ООО «Гемма»
601909, Владимирская область
г.Ковров, ул.Пионерская, д.3
Тел. 8(49232)5-12-35

